
Александр АСМАНОВ

ПОЛТОРАМЕРОН, ИЛИ ЛЮБОВЬ В СРЕДНЕМ КЛАССЕ

Повесть

ПРОЛОГ

Что такое средний класс? Осматриваясь в России, чье развитие было искорежено октябрьским переворотом, понимаешь, что тут это вовсе не экономическая категория. Та прослойка, которая в Европе является основой стабильности и фундаментом государственного спокойствия, у нас выглядит абсолютно иначе. Помните Планше из романа «Двадцать лет спустя»? Тот момент, когда бывший слуга мушкетера стал лавочником, а затем и фрондером, выйдя с оружием в руках противостоять роялистам. Вот цитата:

«Только в пять часов добрые горожане разошлись по домам, считая, что они возвращаются с поля сражения; на самом деле они не отходили от бронзовой статуи Людовика XIII.

— Тысяча чертей! — сказал Планше, вернувшись в свою лавку на улице Менял. — Мы разбиты наголову. Я никогда не утешусь!»

У нас эта малодейственная, но бурно кипящая революционная прослойка тоже присутствует, только она внеклассова. Желание приобщиться к политическим бурям свойственно всем людям, живущим «от забора до обеда» и «от ларька до бакалеи», вне зависимости от того, заняты ли они на производстве, в торговле, сидят ли в офисах или хозяйничают дома. Важно не то, кем они являются по профессии, а то, как проводят свободное время, о чем мечтают, чему завидуют. Чаще всего все эти вещи у них достаточно однообразны. «День за день, нынче как вчера». А тут — какое-никакое разнообразие. Помню, как граждане радостно собирались на Тверской у здания московской мэрии: выходы на балкон отдельных общественных деятелей вызвали у толпы столько же энтузиазма, сколько появления дворян у окон лишенного пенсии аббата Скаррона в том же романе Дюма. Среди кричащих и ликующих московских фрондеров были все — и рабочие, и служащие, и маргиналы, и художники с поэтами. Их объединяло общее желание прогнать коммунистов и отметить в момент исторического перелома. Да и вообще — тусовка с нелимитированной возможностью кричать после брежневского кухонного шепота подогревала происходящее дополнительным энтузиазмом, доводила до нового кипения возмущенный коллективный разум...

Александр Махмутович Асманов родился в 1958 году в городе Ступино Московской области. Образование высшее (факультет журналистики МГУ). Фрилансер (художник, дизайнер, фоторепортер, переводчик, журналист, поэт). На общественных началах — главный редактор журнала «Россияне». Публиковался как журналист во многих российских и зарубежных периодических изданиях. Автор двух поэтических книг. Живет в Москве.

Результат известен. Пришел Борис, воцарилась мафия. А настоящие перемены наступили позже — и в полной тишине.

Однако в России все же есть средний класс. Он сформировался довольно давно, но европейские экономические предпосылки его появления были заменены на отечественные — психологические. Впрочем, это и понятно: Россия — не страна экономики. Она страна психологии. И если исследовать российское общество по этим критериям, то в нем легко найдутся и свои пролетарии, и люди умеренного (интеллектуального и духовного) достатка, и слуги, и господа, и элита, и аристократия. И средний класс тоже есть, сформировавшийся в силу особенностей исторического развития.

Типичным представителем отечественного среднего класса я назову «наследственного разночинца с аристократическими амбициями». Проблема именно психологической ориентированности российского восприятия действительности при этом работает аналогично той, что действует в обычном мире, стоящем на материальном базисе. Там сложно пробиться в элиту, так как элита покупает в другом магазине. Вспомните излет нашего архаичного капитализма — пьесу «Бесприданница» — карандашевый званый обед с поддельными этикетками на бутылках дешевого вина. В тот момент это было еще материально. Еще вполне соответствовало осмеянному Мольером Журдену. Но «грянули всякие хренации», как говорил Галич, и декорации спешно сменились.

Советский разночинец сформировался не вдруг. Сперва он носил галифе и сапоги, обзаводился портфелем и осваивал правила поведения в трамвае. Однако время шло, и та самая революция, которая обещала ему, как минимум, чувство собственного достоинства, начала запаздывать. А потому это чувство он начал вырабатывать самостоятельно — как умел. Опираясь на декларацию о том, что он уже «стал всем». Особенно преуспели в этом жены разночинцев. Их первая популяция была описана еще незабвенным Зощенко. Господ к тому времени уже на виду не осталось, а потому копировать лоск поведения приходилось откуда попадая. Бывшие стареющие актрисы, лавочницы, выжившие при нэпе, кокетки бандитских малин — все это были примеры «настоящего шика». И первое поколение российского среднего класса выглядело диковато: он в бараньем тулупе и полувоенном френче, и она в платье из занавески, перекроенном на французский манер. Впрочем, в верхах уже выглядели иначе, и средний класс подтягивался. Им не светило пробиться на верхние ступени новой российской лестницы тщеславия, но у себя в серединке они копировали увиденное и подслушанное. Копировали старательно — более всего соблюдения обрядов требуют новообращенные.

Грянула война. Российская психология перестроилась, и часть тех, кто выглядели пустышками, оказались настоящими патриотами и патриотками. Однако после победы и проникновения в Отечество трофейного шмотья процесс начался с новой силой. Впереди еще были годы восстановления, но уже на смену советским разночинцам Зощенко и Ильфа с Петровым явились персонажи райкинских миниатюр. Заносчивые кассирши, хамоватые работники ЖЭКов, безапелляционные училки, служивая интеллигенция с теми самыми портфелями, но уже набриолиненная и регулярно посещающая открытые сцены, МХАТ, концерты и выставки. Ибо — «ноблесс облич». Образовался класс «культурной элиты», к которому средний класс лип, как мухи к бумаге. Заповедная набережная Коктебеля, где прогуливались жописы, дописы и мудописы (жены писателей, дочери писателей и мужья дочерей писателей), стала образчиком бытия. Элита выходила прогуливаться «в народ». А народ терся рядом с элитой, чтобы потом рассказать о том, кого повидал и что услышал.

Этот момент можно, собственно, и считать периодом окончательного становления российского среднего класса. Именно тогда родились и воспитались дети первых советских разночинцев. Те, что с молодых ногтей впитали острое желание приобщиться к верхам и острую зависть к тем, кто эти верха представлял. Однако «каков поп, таков

и приход». А потому, копируя не слишком достойные образцы, средний советский класс и сам-то был ниже среднего. Пошлость и хамство, зависть и пронырливость — вот что наполняло и переполняло его.

Мы порой изумляемся, «куда смотрели» те, кто равнодушно осуждал Пастернака, участвовал во всенародных голосованиях, плевал в абстракцию и генетику, дрался за бесплатные раздачи или умирал в штурмах прилавков на выбросе «дефицита». И при этом ездил отдыхать в Крым или Прибалтику, вел разговоры «из жизни знаменитостей», зачитывался «Алмазным моим венцом». Мы считаем, что застой породили Хрущев и Брежнев — нам так удобнее. На самом деле — и один, и второй, и все прочие в тогдашнем Политбюро были просто более ушлыми, чем породившая их среда. Но среда-то была та самая. Трусливая, хамоватая (помним, что хам в своем первом значении — лакей), обладающая особым апломбом нахватавшихся выскочек, жадная и страшноватая в своей неизбывной медвежьей косности...

В более поздние времена из этой среды стали вырываться те, кому было уже не вмоготу. Появился андерграунд. Выживали настоящее искусство и настоящая культура. На уровне истерики создавались и распадались молодежные движения: стилиаги, хиппи, панки, рокеры, растаманы и другие — несть им числа. Постепенно — методом взаимного поглощения — стала выкристаллизовываться и настоящая элита. Однако этот процесс еще в зачатке, а вот средний класс российской действительности сформировался полностью и бесповоротно.

...Да, они потомственные разночинцы. С обязательным набором внешних признаков: следующие модным трендам, покупающие среднего класса машины и украшения, ведущие среднего качества беседы, востребованные «опчеством». Сегодня это в основном политика — средний класс получил возможность осуждать власть предрежащих, не боясь собеседников (которые, будь такая возможность, настучали бы без сомнений). Они излучают уверенность в себе и незыблемость своих прагматичных правил. Не чужды культуре (в своих полусветских разговорах «искусство ставят выше суеты»). Знают и могут связно изложить усредненное мнение о модных веяниях. Хорошо запоминают имена, семейные и внебрачные связи знаменитостей. Козыряют знакомствами. Кичатся медальками и значками. Рефлекторно врут. Собирают дома собственные фотографии у известных архитектурных памятников, предметы с антикварных барахолок, наклейки и визитки заграничных отелей и магазинов.

... Как вы думаете, есть ли в этой среде любовь? Какая она?

МОСКОВСКИЙ СКОРЫЙ

Купе поезда, прогретого отчаянным южным солнцем, не сулило прохлады. Проводница еще не включила кондиционер, и пассажиров встречала жаркая духота. К тревожащему запаху железной дороги примешивались ароматы фруктов из битком набитых корзин и картонных коробок, пота, особенного удушливого в сочетании с резким и дешевым парфюмом, молодого виноградного вина, выпитого в ожидании на платформе, шашлыка и копченых куриц, призванных скрасить первые часы путешествия. Голосили дети, квохтали озабоченные распакованием багажа матери, вполголоса матюгались уставшие от семейного отдыха мужья. «Нинка, дрянь такая, солнышко мое, — доносилось из коридора, — слезь с полки, папа под нее чемодан положит!» В ответ раздавался тонкоголосый капризный вой. «Молодой человек, у вас нижняя? Вы с нами не поменяетесь? — звучал другой женский голос. В ответ раздавалось что-то недовольное, но неразборчиво утвердительное. «Вот спасибоочки вам!»

Купе номер четыре тоже начало заполняться. Первым в него вошел мужчина лет пятидесяти, в очках, в летних брюках, легких кожаных ботинках и отглаженной голубой рубашке с короткими рукавами. Из багажа у него был только объемистый темно-коричневый портфель, напоминавший старомодный докторский саквояж — достаточно вместительный для всего самого необходимого, но и не громоздкий. Вошедший пристроил портфель у окна и сел рядом, облокотившись о столик и безучастно глядя на суету соседнего перрона, где другая толпа пассажиров штурмовала такой же состав. Однако долго оставаться в одиночестве ему не пришлось. В дверях показался еще один мужчина, и тоже с портфелем, но более современным: плоским, темно-серого прочного фактурного пластика. Одет он был в джинсы, кроссовки и клетчатую красно-синюю ковбойку. «Добрый день», — вежливо произнес ковбой. «Здравствуйте», — ответил первый. Второй пробежал глазами по номерам мест и поставил свой кейс на верхнюю полку, после чего сел, заняв уголок с краю — поближе к выходу.

Еще два попутчика показались в дверях вслед за ним, практически одновременно. «Приветствую», — произнес один из них бодро. «Всем добрейшего», — добавил тот, что стоял рядом. «Добро пожаловать», — сидевшие ответили в одно слово и засмеялись. «Располагайтесь», — добавил тот, что в джинсах, и вышел в коридор, чтобы не мешать. Из вновь прибывших один был совершенно сед, но выглядел по-молодежному: в шортах, кислотно-яркой зеленой гавайской рубашке и удобных фирменных сандалиях. Он принес два объемистых пластиковых пакета, которые аккуратно расположил под столиком. При установке пакеты издали характерный звон. Аналогичный звон издавала, занимая свое место на второй верхней полке, и сумка последнего пассажира — полного человека в ярко-красном спортивном костюме с эмблемой неизменного «Адидаса» и тканевых ботинках. Этот был совершенно лыс и прикрывал голову от солнца легкомысленной сетчатой бейсболкой, которую, впрочем, сразу снял. Мужчины весело переглянулись. Отсутствие в купе женщин и детей, а также и то, что все попутчики оказались примерно одного возраста, радовало. Половина дорожных проблем отпадала сама собой.

До отправления оставались считанные минуты. Уже покинули вагон редкие провожающие, а раскрасневшиеся от хлопот женщины расстегнули верхние пуговицы платьев, чада, усаженные на свои места, уgomонились, и проводница вышла в тамбур, чтобы запереть дверь, когда поезд двинется. Свистнуло, дернуло, тронулись назад урны и киоски платформы, дохнуло первой прохладой кондишена. Мужчины в купе с приязнью посмотрели друг на друга.

— С Богом! — констатировал тот, что пришел в купе первым. — Познакомимся? Полтора дня вместе ехать. Меня Павлом зовут. Вроде все одного возраста, так что без отчества.

— Можно, — согласился тот, что в ковбойке. — Василий.

— Александр, — представился «Адидас». — Можно и Саша.

— Семен, — отрекомендовался седой в гавайке и добавил: — А что, господа, не мешало бы за знакомство слегка того?..

— Запросто, — улыбнулся первый. — Давайте только сперва билеты проводнице отдадим. Чего ее зря волновать?

— Разумная мысль, — поддержал Александр. — Я у нее, кстати, стаканчики попрошу.

— Ну, а закуску-то можно и заранее подготовить, — Василий потянул сверху свой кейс. — Есть у меня для нас, господа, нечто соблазнительное. — Щелкнув замками, он открыл портфель и начал выкладывать на стол припасенное: пару плоских банок с замками-колечками, где, судя по картинкам, содержалась ветчина, завернутый в вощеную бумагу домашний сыр, палку хорошего финского сервелата, упакованную в целлофановый пакет, и банку оливок с анчоусами. — Вот моя лепта. Горячительное попозже выну. Правда, хлеба нет, но если что, мы у проводницы добудем.

— Ну, зачем нам казенный хлеб! Это только на крайний случай, — возразил Александр. — Мы тоже люди запасливые. — С этими словами он вытащил из-под столика один из пакетов, где оказались три больших лепешки свежего грузинского лаваша, большой шмат подкопченного сала, круг домашней жареной колбасы и отдельный сверток свежего укропа и кинзы. Кроме того, на столе появились помидоры и огурцы. — Вот моя доля! Не пропадем!

— Воистину, жить будем! Начнем с приборов. — Павел открыл свой саквояж и достал оттуда складной швейцарский нож с десятком лезвий и инструментов. — А то вечно нарезать и откупоривать нечем. — За ножом последовала упакованная в фольгу копченая курица, пакет с солеными огурчиками, очищенным луком, чесноком и даже традиционными дорожными вареными вкрутую яйцами. Оттуда же были извлечены и маленькие пластиковые солонка с перчицей — особой дорожной конструкции. Кроме того, оказался в саквояже и лимон.

— Запасливо! Я вот про соль и не подумал! Погодите, мне есть чем приобщиться. — Семен достал свою спортивную сумку. — Чем богаты, тем и рады!

С этими словами на свет божий появились во множестве яблоки, груши, гранаты, какие-то пирожки явно домашнего изготовления, мытый зеленый лук с соблазнительно блестящими белыми головками, а главное — два здоровенных прозрачных контейнера с копченой барабулькой.

— Вот, — сказал он удовлетворенно. — Все аутентичное, натуральное. Чтоб добрым словом море Черное вспомнить!

Соседи по купе восхищенно зацокали. Съестное компактно разложили на столике, а непоместившиеся фрукты раскидали между собой по полкам — в пределах досягаемости. Получилось удобно, красиво, аппетитно. Да и само купе преобразилось: теперь оно напоминало маленький отдельный кабинет южного ресторанчика с его неповторимыми ароматами и располагающей к душевному общению атмосферой.

В этот момент прикрытая было дверь отъехала в сторону, и на пороге показалась проводница.

— Мать моя! — воскликнула она. — Вот это я понимаю, люди хозяйственные собрались! Вот это стол на четыре куверта! Мальчики, только вы ж это все запивать собираетесь? Без глупостей чтобы, ладно?

— Не бойсь, мать. Мы народ спокойный. — заверил ее за всех Павел.

— Вы нам только стаканчиков дайте, если можно, — попросил Александр. — Пустых, без чая. А если надо, мы за них, как за чай, заплатим.

— Чего ж не дать, дам, конечно, — согласилась проводница. — Платы отдельной не надо, а если чай надумаете потом пить, там и рассчитаемся. Надо будет, поκληчете. Меня Верой зовут. А пока билетики давайте. Белье я попозже принесу.

Билеты были отданы. Проводница метнулась в свое купе и вернулась с пустыми чайными стаканами в подстаканниках.

— На доброе здорovie, — пожелала она, с удовольствием осматривая богатое, по уму подготовленное застолье, и напомнила по привычке: — Не шалите только!

— Будьте уверены, — сказал Василий. — А коли придет желание, заглядывайте на огонек.

— У нас бригадир нынче строгий, — вздохнула Вера. — Не выйдет. Ну, отдохайте, — и исчезла, снова прикрыв за собой дверь.

Поезда, едущие с юга, всегда несут в себе легкую грусть. Навстречу им движутся составы, где люди предвкушают море, солнце, расслабленное времяпрепровождение, шашлычки, плов и вино, добываемые по доступным ценам у добрых аборигенов, ну а для тех, кто возвращается, все это уже закончилось. Люди семейные с удовлетворением констатируют загар на обычно бледных городских мордашках детей, жены добреют и разрешают мужьям дорожные «по капельке», а порой и сами не прочь составить

компанию. Хлопоты окончены, все прошло гладко, и осталось только дотащить до дома набитые южными гостинцами чемоданы. А пока пусть трудится поезд — он металлический. Даже железнодорожные воришки в обратных поездах — редкость. Им не за чем охотиться: отпускные уже потрачены, и то, что оставлено людьми «на такси», не стоит риска.

Правда, хотя отпуск состоялся, сам процесс возвращения немного печален. Беззаботность, улыбки, солнце, волны, загар — все это вот-вот сменится работой, дождливой осенью и бледными хмурыми лицами в набитом городском транспорте. Одинокие вспоминают удачные или неудачные южные знакомства, состоявшиеся или несостоявшиеся романы и тоже готовятся окунуться в повседневность.

Иногда кажется, что поезд — это известная водолазам «камера декомпрессии», когда, поднимаясь с большой глубины, подводники заново приучаются дышать обычным воздухом. Если поторопиться, кровь может вспениться, и человек рискует погибнуть. Так и поезд: в нем остывает разогретая южным солнцем кровь, стихают желания, бледнеют надежды и мечты. Сутки в пути, и мы уже готовы вновь сделаться горожанами без особых травм для психики. И лишь загар как некий знак отличия останется с нами еще на некоторое время, пока и его не победит мрачная городская экология.

Попутчики в четвертом купе не были, однако, подвержены синдрому послеотпускной печали. Вскоре выяснилось, что каждый из них приезжал на юг не ради поправки здоровья, а по делам и ненадолго. Павел, пришедший в купе первым, служил экономистом и ездил ревизовать какие-то дела местного филиала своей фирмы. Ковбой Василий, будучи системным администратором, целую неделю устранял неполадки в компьютерной сети крупного отеля. Спортивного вида Саша оказался тренером по кикбоксингу — он ездил судить юношеские соревнования. А седой Семен в зеленой гавайке работал, по его же собственному определению, «на ниве культуры». Он представлял московское агентство, устраивавшее для певцов, юмористов, фокусников, музыкантов и актеров летний гастрольный «чес» — череду выступлений в санаториях, домах отдыха и на городских площадках.

— Осточертело, — отмахнулся он от вопросов о знакомых знаменитостях. — Все они на одно лицо, и все под одну «фанеру» рты разевают. Что знаменитости, что начинающие — только бабло на уме. Я их, если честно, путаю. Разница только в претензиях. Одним люксы подавай да жратву элитную, а вторые в скворечнике спать готовы, лишь бы до кассы дорваться. Одно слово — надежда и опора гуманитарная. Разумного, доброго и вечного неутомимые сеятели. Ну их. Давайте лучше перейдем к основной части.

Разумное предложение было принято единогласно. Попутчики вновь запустили руки в сумки и портфели, и на свет божий явились литровая бутылка коньяка «Старейшина», литровая бутылка водки «Белуга», две квадратных бутылки текилы «Ольмека Бланко» и две бутылки польского «Полугара № 3». Появление каждого нового напитка встречалось радостным оживлением.

— Господа, — сказал, окинув взглядом батарею хорошего алкоголя Семен, — а нам надо подумать об очередности. Иначе головная боль обеспечена. Или как? Открываем все, и каждый сам за себя решать будет?

— Второе вернее, — отозвался Александр. — В конце концов, работа закончена, и мы хоть на полтора дня, а в отпуске. Зачем нам правила? Мы ж не дети — каждый свои особенности знает. Да и набор хорош. Это вам не ширпотреб. Все для блага организма!

— Ну что ж, — согласился Павел. — Будь по сказанному. Приступаем, уважаемые попутчики! Нальемте-ка по первой!

Василий кивнул и взял на себя должность виночерпия — он сидел с той стороны стола, где размещалось спиртное. Затрещали винтовые пробки, каждый протянул свой

стакан и назвал желаемый напиток. Когда дозы были налиты, а собутыльники готовы, Павел произнес: «За знакомство! Самый верный тост для купе!» Раздался негромкий лязг соприкоснувшихся подстаканников, и через пару секунд общее удовлетворенное «уф!» засвидетельствовало, что общение перешло в активную фазу.

— Я, между прочим, даже не окунулся, — пожаловался Александр. — Все время в спортзале так и просидел. У моих там сегодня прощальный банкет вечером на берегу намечался, так у меня билет был взят заранее — не сдавать же. Вот и еду с моря без моря.

— Не ты один, — посочувствовал Павел. — Я тоже не позагорал и не окунулся ни разу. Брал с собой книжку почитать, так и ее не открыл. И днем и ночью в бумажках копался.

— А что читать собирался? — поинтересовался Василий.

— Да вот — взял было «Гептамерон» Маргариты Наваррской. — Он тем хорош, что его с любого места читать можно. Но не пришлось.

— Что за «Гептамерон»? — спросил Александр. — Про «Декамерон» слышал, читал даже, а про «Гептамерон» не приходилось.

— Почти то же самое, — ответил Павел. — Только этот сборник рассказов королева собирала. Родственница той, которая Марго. Позавидовала, может, Боккаччо. Решила и свою такую книжку потомкам оставить.

— Между прочим, — включился в беседу Семен. — Вначале ее сборник иначе называли.

— Как? — поинтересовался Павел.

— «Истории счастливых любовников». Я, когда помоложе был, на название купился. Да, там в основном все о чувствах. Женщина все-таки писала.

— Ой! — поморщился Александр. — Тоже мне! Женщина и чувства! Я, конечно, не женоненавистник, но когда мне говорят про особую чувствительность слабого пола, мурашками покрываюсь. Уж более прагматичных и расчетливых созданий, чем тетки, во все века не было.

— Что так? — улыбнулся Василий. — Достала какая-нибудь нимфа до печенок?

— Было. Достала, — махнул рукой спортсмен. — Можно подумать, что тебя не доставали бабы?

— А я и не спорю, — согласился сисадмин. — У них только интерфейс дружественный. А начинка у-у-у какая вредная! Любую систему рушит, что твой вирус.

— Ха! — сказал неожиданно Павел. — А как вам тогда такое предложение? Давайте свой «Полторамерон» организуем. Мы ж полтора дня едем? Вот все полтора дня и будем друг другу истории про слабый пол рассказывать. Годится? А то не по традиции получается — в мужском коллективе любая, даже самая мажорная, пьянка обязательно должна разговором про баб сопровождаться.

— А что! — поддержал Семен. — А годится! Наливай, Вася. Это дело надо запить!

— В одном я сомневаюсь, — сказал, принимая от виночерпия стакан, Павел. — Эту книжку ведь королева писала. Там и чувства высокие и переживания королевские. А мы?

— Не отступай! Как раз самое оно, — отмахнулся Александр. — Про высокие чувства давным-давно все уже написано-переписано. Только что-то цари-короли нынче в дефиците. И с дворянами труба. А вот про любовь в среднем классе никто никакого сборника не составлял. Чем не повод? Да и вообще, этот народ в литературе мало освещен. Если вспомнить классику, то никого, кроме Бобчинского и Добчинского, и на ум-то не приходит. Правда, в советское время Зощенко им немало внимания уделил, но то было, что называется, на заре царствия гегемона.

— Что ж, если так, то повод, — согласился Павел. — Против нет? Воздержавшихся? Тогда единогласно! За что и выпьем!

— Ура! — тихо воскликнули остальные. — За «Полторамерон»! За рассказы про любовь в среднем классе!

Поезд тихо раскачивался, постукивая на стыках рельсов. В купе наступила кратковременная тишина. Поездчики закусили и задумались.

— Кто начнет? — прервал паузу Семен.

— А давайте по жребии, — предложил Василий. — Карт ни у кого нет? Ну, тогда вот зубочистки... Одна короткая — кто вытянет, тому и начинать. Давай, Павел, лопай. Ты у нас человек экономический, ответственный — тебе и доверие, значит, от коллектива.

— Добро. — Павел сломал одну зубочистку, показал всем три длинных и ее — короткую, а затем, отвернувшись, перемешал и сжал их как положено, чтобы не видны были нижние концы. Повернувшись к остальным и предъявив зажатые в руке зубочистки, он скомандовал: — Тяните!

Потянули. Короткая досталась Александру. Он крикнул:

— Вот ведь судьба! Всегда мне начинать выпадает. Ну, тут хоть не огород копать, — покачал головой, ухмыльнулся, провел пальцем под носом, расправляя несуществующие усы, и начал рассказ.

ЛЮБОВЬ ВРЕМЕНИ ПЕРЕМЕН

— Я повторю то, с чего весь наш разговор пошел, — сказал он. — Более прагматичных и бесчувственных созданий, чем женщины, в животном мире не существует. Век воли не видать и на лодке не кататься! За базар отвечу — хоть перед Богом. Не зря их из ребра сделали. У них если и есть мозг, то исключительно костный. Мыслей в нем не водится — одни только инстинкты. Иной раз — верите? — даже гомиков понимаю. Типа, мужик с мужиком всегда договорятся. Если б не противно было, может, и сам бы давно от баб отказался. А так — терпеть приходится. Но после одного случая я с ними общение свожу к минимуму. Повстречались, погуляли, переспали — и адыю. Больше недели ни с одной не задерживаюсь.

— Так это сколько ж времени на поиски надо? — махнул рукой Павел.

— Не так и много. Вы вот, братцы, наверное, внимания не обращали, но ведь женщины на самом деле до общения с противоположным полом куда более жадны, чем мужики. Все разговоры про мужскую похотливость — это как про русское пьянство. Французы вон или англичане в три раза больше нашего бухают и безобразничают, а чуть чего — сразу «русские — пьяницы». Так и бабы. Они специально мужиков в невоздержанности обвиняют, чтобы свою собственную похоть замаскировать. Пока мы оправдываемся, они вроде как все в белом. Так что нормальный мужик может особо и не париться насчет женского пола: они его сами ищут и сами к отношениям склоняются. Вы уж поверьте, я сто раз проверял. Наоборот, стоит мужику инициативу проявить, как они выпендриваться начинают, чтобы он, значит, наживку поглубже заглотил. А если парень на девушку внимания не обращает, так она из кожи вон лезет, чтобы его к себе подтянуть. Еще Пушкин говаривал: «Чем меньше женщину мы больше, тем больше меньше она нас!» Знал классик толк в этом деле. Чувствуется опыт.

Особенно это в глаза бросается в те моменты, когда в обществе перемены начинаются. Война, например. Или революция. Или вот в наши времена — перестройка. А задумайтесь, откуда вдруг на улицах тогда столько ночных бабочек появилось? И это еще те, которые в отелях и ресторанах не помещались. Нет, вот вы мне скажите, откуда? Если все они были такие приличные и такие недотроги? Если их всех воспитали эмоциональными и чувствительными, честными и благородными?

— Хороший вопрос, — усмехнулся Василий. — Я об этом не думал. Что-то в этом есть, пожалуй.

— А то ж! Я-то родился в семье, где буквально культ был женского пола. Папа маму любил, стихи ей писал, цветы дарил по каждому поводу и без повода. Ну и мне все это прививали: не просто место в трамвае уступить или, там, в дверь вперед пропустить, а прямо с придыханием: «Уступи! Она ведь девочка!» Иной раз кажется, что это «уступи» вроде техники безопасности. Типа «отдай сам, а то с рукой откусит».

— Ну ты загнул! — возразил Семен. — Хочешь сказать, что чистых и светлых женщин вообще на свете не бывает?

— Почему? Бывают. Как исключение! Но вовсе не как правило. Однако нам-то это иначе подается: дескать, слабый пол! А я вам как спортсмен скажу: у женщин и болевой порог выше, и выносливость, и приспособляемость. А то, что мышц у них меньше и физической силы, так оно им и не надо. За них мужики вкалывают. Причем так давно, что это уже частью эволюции сделалось. А уж хитрость и инстинкты просто зашкаливают. Нам и не снилось. Я вот люблю иногда послушать, как одна женщина о другой говорит. Это что-то! Слышали? Была у меня однажды женщина. Вполне приличная, из хорошей семьи, успешная. О ней, кстати, и рассказ.

Так вот для первого впечатления — как она мне свою лучшую подругу описывала. Была у нее в друзьях пара: муж и жена, оба врачи. Муж на то время уже не практиковал — он в менеджеры фармацевтической фирмы перешел. А жена врачевала: она даже диссертацию по детским болезням защитила и вообще была теткой умной, стройной, красивой и подтянутой. И моя, когда меня с ними познакомила, давай рассказывать: дескать, подруга у нее дура неотесанная, понаехала откуда-то с Камчатки, ни культуры, ни манер. Заметьте, то, с чем было не поспорить: успехи подружкины профессиональные или внешность не обсуждала. Зато рассказала, как муж однажды из загранкомандировки домашний халат с драконами привез, и та в нем к гостям вышла. Дескать, «вот деревня!» А когда муж-доктор сделался менеджером и из своего города в другой по делам фирмы надолго отбыл, у него там вдруг какой-то романчик на фоне отсутствия женской ласки образовался. Так моя женщина аж расцвела. Подруге на словах сочувствовала, советы умные давала, а за глаза: «Так ей и надо! Нет чтобы с мужем на новое место переехать, а она про карьеру думает!» В общем — война и немцы. Больше скажу, когда у той пары опять все наладилось и хорошо пошло, моя заскучала. Не так ей интересно сделалось. Вот скажите мне, что это? Да если б мужик себя так повел, если б так за глаза про своих друзей говорил, ему бы — к бабке не ходи — прилетело однажды в ответ. А этой ничего. Так уж у них заведено.

— Да, брось! Тут все от воспитания все-таки зависит, мне кажется, — сказал Павел. — Это как в семье принято было, так и дети себя ведут. Мальчики раз-два по физиономии схватят за язык поганый, так осторожнее делаются. А у девочек проскакивает. Хотя иной раз и они друг другу косы выдергивают, будьте-нате.

— Бывает, согласен. Но редко. Тут ведь в чем хитрость: инстинкт-то у них у всех одинаковый, а вот формы проявления разные. Более воспитанные — те поосторожней. Сто раз подумают, а потом так скажут, что вроде и не придаться. А все равно гадость. Но я продолжу.

Познакомился я с этой девицей как-то на фуршете. Дело было в Олимпийском комитете: там в ресторане, что на первом этаже, юбилей одного большого нашего спортивного деятеля отмечали. Народу много собралось, думаю, что и сам именинник всех бы по именам вспомнить затруднился. На таких мероприятиях обязательно процентов пятнадцать-двадцать бывает таких, кто набегает по халявному приглашению. Друзья друзей привели. Типа, выпить, закусить, потусоваться. Ну и как всегда, девушки по сторонам глазками стреляют: мужичков видных высматривают. А я — вот он. Тут как тут. Не глядите, что лысый, зато в хорошем костюме, да и с именинником у всех на глазах за руку здоровался — уже рейтинг. И смотрю, трется одна со мной

рядом. Типа: «Не передадите ли осетринки?» Я, конечно, передал. Дальше больше — выпили, познакомились. Смотрю, женщина молодая, симпатичная. Спрашиваю: «А вы с кем пришли?» Отвечает, что с приятелем, но тот куда-то затерялся, и теперь она вроде как тут совсем одна-одинешенька среди чужих людей. «А что ж, — спрашиваю, — без мужа?» Она глазки потупила и говорит: «Муж не любит таких компаний. Он у меня бухгалтер. Человек не светский». «Ого, — думаю, — есть контакт!»

Тут надо сказать, что времена это были лихие — те самые девяностые годы. Самое их начало. Советские граждане едва-едва вкус денег почувствовали. Только ленивый каким-нибудь бизнесом не занимался. Ну и я тоже не стал исключением: наладил производство спортивных вымпелов, медалей да кубков. Дело пошло, заказы есть — чего ж не радоваться. В кармане шуршит. Ну и предложил ей: «А давайте отсюда куда-нибудь вместе сбежим? Поедьте в хороший ресторан. Поужинаем нормально — чтобы за кусками к блюдам не тянуться и чужие вилки не отталкивать. Потанцуем немножко. Пообщаемся. Вы как?» И она мне сразу решительно: «А давайте!» Даже искать своего знакомого не стала — взяла меня под руку, и мы пошли. Спросила только: «А как же вы за руль-то? Ведь выпили?» Я ответил, что у меня тут на стоянке машина с водителем. Ну и это ей совсем уже понравилось. Все-таки сейчас-то никого таким не удивишь, а по тем временам еще советские принципы у всех в головах были. Раз ты с водителем, значит, большой человек.

Приехали, как сейчас помню, в «Маргариту». Стоял такой кооперативный и очень хороший ресторанчик на Гоголевском бульваре. Столики по стенам, в середине фонтанчик с японскими рыбками, официанты любезные, кухня отличная. Туда даже старейший в России британский или американский журналист Эдмонд Стивенс ходил питаться — мне показывали. Этому дяденьке с палочкой рядом целый особнячок принадлежал. Старик уж был, а в хорошей еде толк понимал. Ну и мы туда, стало быть.

Слово за слово — узнал я у своей новой знакомой, что сама-то она девушка не местная. Питерская. Что замужем. Что дочка у нее есть. Что преподает экономику. Что в Москве у родственников гостит, а в Петроград свой возвращаться совсем не хочет. «А как же муж?» — интересуюсь. «Совок он, — отвечает она с большой досадой. — Каким был десять лет, таким и остался. У них в семье все алюминиевыми ложками ели. И сейчас его мать с отцом с общепитовских тарелок едят. Пыталась я из него человека сделать, да только не надо ему ничего. Скобарь. Жлоб. Книжки вот собирает, а попробуйте попросить почитать — откажет. И во всем так. Ни мне, ни дочке».

— Зачем же выходили за него, — спрашиваю?

— Уговорил, — отвечает. — Было время, я за другим гналась, а потом с первым мужем разошлась и с дочкой на руках осталась. Тут уж не до выбора было. А этот за мной всю жизнь ухаживал, еще со школы. И после развода опять первым в дверь позвонил. Так вот и выходил свое.

— Так, может, пора расходиться?

— Вариантов нет, — говорит она. — Все вокруг то же самое. Штамп один и тот же. Все по одной мерке сделаны. Иной раз мужчины настоящие попадают, так у них у всех уже все давным-давно схвачено.

— Да, ладно вам, — утешаю я ее. — Не у всех. Сейчас самое то. Как говорится, «время перемен». Люди по-другому на свою жизнь смотреть начинают. Многие парни тоже в свое по молодости пережились «для комплекта». И попали надолго: что выбрал, с тем и живи. При социализме не больно-то легко было разбежаться: обмены, квартиры, парткомы. Теперь — другое дело. Каждый птица вольная. Есть деньги — купил себе новую хату и давай новую спутницу жизни присматривать.

— Да нет, — говорит она, усмехаясь. — На черта мне такой нужен? Одну оставил, а потом и меня так же бросит. Нет уж. Если что-то менять, то уж навсегда. Основательно.

— Вам в любом случае стоит саму компанию сменить, — говорю я. — Нынче вон каждый день то презентации какие-нибудь, то фуршеты, то концерты, то балы. Там и надо знакомиться. Авось и найдется кто-то. Вы же девушка симпатичная — на вас наверняка внимание обратят.

— Туда еще попасть требуется, — отвечает. — А кто меня туда пригласит? Я и не знаю тут никого. Вот с приятелем случайно в Олимпийский комитет попала, так и он куда-то от меня рванул — сами видели. Если б не вы, так и стояла бы с куском рыбы.

— Ну, коли так, то это не проблема, — говорю. — Вот моя визитка. Как будете в Москве в следующий раз, звоните мне заранее. Подберу вам культурную программу. Весь наш бомонд увидите.

Вижу: в десятку попал. Она аж засветилась.

Короче говоря, закрутилось у нас. Больше года она в Москву приезжала — уже не к родственникам, а сразу ко мне на квартиру. Раз, а то и два в месяц. Билеты ей я оплачивал, то на поезд, то на самолет. И сам в Питер приезжал повидаться. Я там с тогдашним директором «Прибалтийской» был знаком, с господином Сорокоумовым. Снимал у него двухэтажный люкс с пианино, холлом, спальней наверху и «Муз-ТВ» на кабельном телевидении. В отеле и встречались: в ресторане, в холле номера, но больше, конечно, в спальне. И что меня уже тогда удивляло: она ночевать в отеле запросто оставалась. Даже не звонила мужу или, там, дочке. «Как же она со своим мужиком объясняется?» — думал я. — Неужели ему и вправду все равно, где и с кем его жена ночи проводит?»

Спросил как-то осторожно. Она рубанула: «А не его дело! Не может жену содержать нормально, сидит у себя в углу — значит, и выяснять права не имеет». «Вот это, — думаю, — да. Ну и понятия. Куда там ореховским-тамбовским-люберецким». И смехом-смехом, понемножку-полегоньку стал ее взгляды на жизнь выяснять. И тут, братцы, много интересного мне открылось. Столько, что я и не ожидал.

Знаете, в хороших компаниях, где люди одного круга собираются, принято цитатами обмениваться: из книжек прочитанных, из спектаклей или хотя бы из фильмов. Вот и с ней мы не раз что-то общее вспоминали. И хоть убейте меня, а я настораживаться начал. Сами подумайте: в той же «Золушке» ее любимым персонажем была мачеха. Конечно, Раневская эту роль гениально сыграла, спору нет, но моя пассия не актерской игрой восхищалась. Ей фразы нравились: «Государство маловато, развернуться негде». Или «я его выживу из его собственного дома». Или «я добьюсь, что моих дочек занесут в книгу первых красавиц королевства». Ну ладно — это для детей сказка все-таки. И роль смешная. А вот в «Мюнхгаузене», например, ей баронесса нравилась. «Присоединяйтесь, барон!» «Я с моим мужем вместе была на Луне». Причем самого-то Мюнхгаузена она тоже полным идиотом считала, а невесту его — Марту — дурой набитой. Или из «Тихого Дона» цитировала: «Вашей части тут нету, ее бы вам на руки выдали. Да с чего вы взяли, будто и ваша часть тут есть?»

Вроде все это семечки. Но — нет. Кто бы что ни говорил, а культура — великое дело. Вы, может, скажете, что я сам-то спортсмен и не мне о таких материях судить, только у нас в семье книжки всегда в почете были. И если честно, я по тому, что и как человек из книг цитирует, многое о нем сказать могу. Иной раз и побольше, чем он сам о себе рассказать захочет.

— И что же дальше? Как развивалось? Не отвлекайся!

— Ну, дальше больше. Вывел я ее в тогдашний московский свет. Конечно, что и говорить, общество было перестроечное. За одним столом в ресторане и заместитель мэра оказывался, и авторитет криминальный, и бизнесмен, и актер. Но обратил я внимание на одну особенность моей подруги: в течение каждого такого общения она как бы продолжала поиск, хотя наши с ней отношения уже далеко за грань дружеских

вышли. Всякий раз она находила в компании себе какого-то нового собеседника из ВИПов, и давай его обхаживать. Чуть он пошутит, она смеется, аж заливается. Какую глупость он ни сморозь, она поддакивает. Порой сама в неудобное положение попала: человек ляпнет, что Девятую симфонию Моцарт сочинил, и она в ответ: «Обожаю Моцарта!» А второй знаток рядом: «Да это ж не Моцарт! Это же Шостакович!» И она тут же: «Ой, ну конечно! Как же я оговорила?» И тут третий: «Да вы что — это ведь Бетховен!» А она тут как тут: «Боже мой! Ну что это на меня нашло! Вино, наверное, так действует! Я и хотела сказать, что Бетховен».

— Неужели совсем ничего не знала, — расхохотался Павел. — Странно для петербурженки.

— Нет, конечно. Знала. Но отрывочно. А вид делала, что все и обо всем. Зато если уж речь заходила о том, кто у кого из знаменитостей в женах или любовницах числился, тут она могла без словаря шпарить. От Древнего Египта до двадцать первого века — про всех всю подноготную. А в прочих материях путалась. Однако тему поддержать у нее не всегда ловко получалось. Ко мне как-то священник в гости зашел, ну а ей интересно стало. Приходит в комнату с чаем на подносике и этак светски говорит: «Кот сейчас есть просил — бился головой о стол, как отец Федор о пальму». Мы с батюшкой примолкли. Тут она сообразила, что лягнула не по делу, и давай дурочку включать: «В каком-то фильме, — говорит, — глупом видела такое». Мой гость вздохнул и напомнил: «Двенадцать стульев». Смеетесь? А я чуть со стыда не сгорел!

Но продолжу. Так вот, в какой-то момент мне с ней стало в компаниях появляться неудобно. Некомфортно. Понимаете, приходишь куда-то с женщиной, а она все время на сторону смотрит. И не то чтобы там познакомиться. А прямо-таки в друзья сразу записывается, здоровьем родственников и именами кошек-собак интересуется. На нее-то смотрят при этом снисходительно: мало ли какой у женщины бзик. Но и на меня глядят с удивлением: «Зачем, дескать, ты ее привел?» А ей по барабану. К тому времени я ей помог гардероб обновить, с украшениями слегка ситуацию подправил — вот она и вертелась, замечая только, кто как на нее из мужиков и их спутниц посмотрел. Об этом потом всю обратную дорогу и еще пару дней до следующей тусовки разговаривала.

— Саша, скажите, а на кой черт вы в ней начали участие принимать? — поинтересовался Семен. — Неужели такая симпатичная женщина была, что вы ей все это с рук спускали?

— Характер такой. Привыкаю я быстро. И понимаете, тут ведь вот что важно: она же мне наедине правильные, ласковые слова говорила, каким-то проблемам сочувствовала, каким-то радостям радовалась. Мимикрия высокого класса. Как та рыба камбала: лежит на песке и на песок похожа делается. На шахматную доску положи — клеточками покроется. Ну и автоматически начинаешь ее частью своей среды считать.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте...

— Да, уж немного осталось. В первое время наша дружба и наша связь казались мне чем-то абсолютно надежным и само собой разумеющимся. Бизнес тогда был штучкой рискованной, и однажды я, решив вложить понадежнее деньги, купил на прибыль квартиру. Оставить ее за собой я сдуру посчитал опасным: мало ли что? Вам не нужно объяснять: в то время на собственность было полно желающих. Могли и бандиты «наехать», и власти могли запросто захотеть что-то для себя «отжать». А потому я квадратные метры решил записать на свою женщину. Она в этот момент уже официально разводилась с мужем. Но дальше события покатились со скоростью экспреса «Красная стрела».

Трещину в наших отношениях создала однажды странная фраза, которую она бросила случайно, когда я в Петербурге подвез ее ночью до дома. Так бывает, как у О'Ген-

ри написано: когда лицо бандита выглядывает вдруг из окна почтенного, respectable дома. «Дороги, которые мы выбираем».

Мы приехали к ее дому в питерских новостройках. Спальный район. В ту и другую сторону от серых больших неуютных строений, больше напоминавших немецкие доты, чем жилые дома, никакой цивилизации — только ветер свищет. С того времени я там давно не бывал, может, что-то и поменялось, а тогда казалось, что ты на Луне и тебя окружают инопланетные руины. Вышли из такси. Я попросил водителя подождать и повел ее, как обычно, провожать до дверей. Она — было дело — рассказывала, что после знаменитого питерского маньяка, который в парадных на женщин нападал, ей одной в подъезд заходить боязно. Не знаю уж, правда ли, или это просто очередная ее уловка была, чтобы мужчине польстить, но только я с ней до ее этажа в лифте доезжал, а потом обратно возвращался. И вот в том самом лифте она мне и говорит: «Скажи, а как ты видишь наши дальнейшие отношения? Женишься или предложишь мне домик гейши?»

Честно скажу, я слегка растерялся. Вообще-то, мысль о женитьбе на ней меня посещала, но от предложения что-то удерживало. Что? Если бы меня тогда спросили, я бы, наверное, не смог с ходу сформулировать. И тут она холодно так продолжает: «Ты ведь понимаешь, чем я с мужем расплачиваюсь, когда так задерживаюсь?» И вновь я не нашелся, что ответить. «Расплачивается? С мужем? Почему?» Она ведь вроде рассказывала мне раньше, что давно с ним всякие отношения прекратила. На всех парах приближался развод. И тут вдруг это. Попрощался я, наверное, чуть суше, чем обычно, так как подруга моя, вдруг потеплев голосом, мурлыкнула: «Ну, не ревнуй! Это я нарочно. Тебя поддразнить...»

Может быть, так оно и было — не берусь судить. Но слово — не воробей. Порой оно не просто ранит или окрыляет, но запускает целый процесс раздумий. И бывает, что процесс этот ни к чему хорошему не приводит.

Я вдруг начал анализировать наши отношения. И понял, что самое сладкое в них достаточно быстро стало зависеть от того, какова была предшествующая программа. Если днем мы оказывались в некой элитной компании или пробегались по магазинам, покупая ей шмотки, ночь оказывалась бурной и нежной. Если просто гуляли или смотрели телевизор, интим можно было не предлагать. У подруги болела голова. Причем налицо оказались и признаки «привыкания», как это бывает, например, у наркоманов. Уже далеко не всякое общество пробуждало в ней женщину, не всякая покупка вызывала приступ страсти. Пожалуй, зависимость оказалась слишком прямой, чтобы остаться незамеченной. Но действовала чертова генетическая магия: женщину нужно радовать! Ей нужно создавать праздник! Черт меня возьми, но почему это все так односторонне? Почему женщине самой все равно, в каком настроении ее друг сердечный? Привычка? Надоело? А что же будет после свадьбы? Нам что, по их мнению, праздники вообще не положены?

Впрочем, некоторое время все шло своим чередом. Видимо, осознав, что сказала мне в лифте лишнего, подруга моя вдруг стала такой, какой была в первые дни знакомства: нежной и ласковой. На этом фоне прошла и сделка с квартирой. А затем градус отношений вновь начал понемногу падать.

В следующий раз я вывел ее на разговор о чувствах.

— Знаешь, — сказала она, глядя в пространство, как смотрят те, кто боится, чтобы глаза не выдали ложь, — мне кажется, что я тебя почти полюбила! И могла бы полюбить по-настоящему. В любом случае я тебе очень признательна за все, что ты для меня сделал!

— Что?

— Ну вот, в Москву перетащил, квартиру купил, с людьми познакомил.

— Прости... Квартиру?

— Ну, да. Я этого не ожидала. Просто счастлива была. Ты бог и царь. Настоящий мужчина!

— Мы вроде бы немного о другом говорили?

— Ой, ну как же иначе? Я же теперь в Питере все оставила. Ты знаешь, после развода мне пришлось свою долю за нашу квартиру маме отдать: это она нам с мужем когда-то помогла с покупкой. Я же не могла поступить нечестно!

— Это правильно, конечно...

— Ну вот! Я была уверена, что ты меня одобришь!

Скажу опять: мы, мужики, к такому бываем не готовы. Я, во всяком случае, не был. И не нашел, что возразить, так как это потребовало бы резко изменить и тон, и настроение беседы. Сейчас понимаю, что меня просто «развели». А тогда... Тогда я тоже это понимал. Но оказался полным дураком.

Надо ли говорить, что после этой беседы мы стали видеться намного реже. Женщина часто оказывалась занята — она, кстати, устроилась в Москве на работу. Через некоторое время мы начали ссориться: ее претензии сводились к тому, что мой бизнес после перемен и дефолтов практически остановился, и я перешел работать туда, где и сейчас нахожусь, — в спортивную федерацию. Заметно уменьшились доходы. Поначалу ссоры имели форму почти дружескую: «Не сиди на месте! Ты должен расти! Ты можешь!» Затем сменилась и форма: «Мне с тобой некогда общаться. Я карьеру делаю! Я уже новую должность получила, а ты кто такой? Посмотри на себя, кому ты нужен?» После одного из таких конфликтов я надолго пропал из вида. Затем решил захватить и объясниться еще раз. И увидел... Нет, понимаете, это, наверное, было предсказуемо для более циничного человека, но для меня...

В бывшей моей квартире стояла новая стальная дверь с двумя сейфовыми замками. Тот ключ, которым я раньше мог открыть ее в любое время, теперь можно было выкидывать. На звонок никто не отзывался.

Я позвонил по телефону. Женщина была где-то за границей: ей всегда нравилась Италия. С новой работой она уже вполне могла сама себе позволить поездки — мое спонсорство более не требовалось. Я спросил, что означает замок? Она помолчала... «Означает, что тебе больше не надо туда приходить, — последовал наконец ответ. — Кто его знает, с кем ты теперь общаешься? У меня там много ценного. Я беспокоюсь. Вот приеду, тогда, если хочешь, поговорим».

Я захотел. Разговор оказался коротким и жестким. «Я подготовила бумаги для юриста, — сообщила мне женщина. — У тебя нет шансов. А если будешь настаивать, я на тебя и МВД напущу, и ФСБ. У меня теперь есть знакомства. Мой новый мужчина многое может».

И верите — я захохотал. Я представил себе мужика (наверняка либо из полутеневых бизнесменов, либо из полусветлых политиков с заранее подготовленным бандеровским «схроном» где-нибудь у теплого моря), который многое может и который теперь получил это добро в свое полное распоряжение. Уже второй и даже третьей свежести. Со всеми ее заморочками и жадной к собственности. Со всем лицемерием в чувствах. Со всем апломбом выскочки и серостью среднего класса. И подумал: надолго ли его хватит? А если надолго, то что там у него в извилинах?

...Вот и все. Барахла моего, которое по тем или иным причинам задержалось в этой квартире, хватило на половину «газели» — в основном это были книги, которые женщину не интересовали, и картины, присвоить которые она бы не смогла.

— Жаль, конечно, — вдруг сказала она не прощание. — Мужики нынче все больше слабаки. С ними не так интересно. Меняешь шило на мыло. С тобой было весело. Я ведь не хотела, чтобы наши отношения полностью заканчивались.

И снова я пожалел ее нового мужика. А вспомнив блестящие замки на новой двери, опять откровенно засмеялся. Но вот скажите вы мне, друзья, есть ли в таком жен-

ском поведении хоть какое-то отличие от той же самой проституции? И ведь проституция, если задуматься, честнее. Все обговорено заранее, никто никому никаких клятв и надежд не дает. И мужику в голову не придет доверить ночной бабочке свой кошелек — не для того эта бабочка существует. А тут — и тебе дружба, и тебе любовь, и тебе порядочная семья, и честность на гербе. А на проверку — обычное... Впрочем, вы это слово и сами знаете. Потому и встречаюсь я теперь с женщинами ненадолго. Порадовали друг друга — и хватит. Время нынче такое — время перемен.

— Я вспомнил, как ты описал ее рассказ про подругу, — задумчиво сказал Семен. — Про халатик. И подумалось мне, что там уже в полный рост уши торчали. Только ты их не заметил. Однако предлагаю выпить! И созрел у меня один тост, если позволите. «За женскую надежность!»

Попутчики слегка сморщились.

— Бросьте корежиться, я еще не договорил. «Надежным» человеком я после многих лет в бизнесе называю того, кто, если ему представится возможность, обжулит тебя обязательно! Вне всяких сомнений. Без моральных мук и компромиссов с собственной совестью. И на мой взгляд, большинство женщин — особенно прагматически устроенных — существа абсолютно надежные. Это надо знать. И тогда все становится куда проще, а главное, мы начинаем правильно действовать. Вот это я и хотел сказать. В такой трактовке тост поддержите?

— Конечно! — ответ был единодушен. — За надежность в людях и в женщинах особенно!

В ТЕНИ ЧУЖОГО СВЕТА

Поезд катил все дальше и дальше, и за окном начинало темнеть. Вкусная еда и качественная заправка расслабили. Купе окончательно стало уютным и каким-то своим, неказенным местом. Прозвучавшие рассказы требовали некоторого времени на обдумывание, и потому двое пока еще не выступавших попутчика не торопились подхватывать эстафету. Впрочем, их и не подгоняли. Ехать пока оставалось достаточно.

— А давайте я вам, друзья, еще одну историю расскажу, — предложил неожиданно Семен. — Она вроде бы и не имеет к нашей теме прямого отношения, но может и пригодиться для «Полторамерона». Речь тут пойдет совсем даже не о любви. Скорее о характере. О тех его чертах, которые у женщин среднего класса особенно выпуклы. Просто не всегда это бывает заметно, а у меня один эпизод есть в памяти, который хоть и иллюстрацию бери. Рассказать?

— Конечно, давай! — поддержали его остальные. — Оно и правильно. Не все ж о чувствах! Если на образец ориентироваться, то и в «Гептамероне» целый день какой-то иной теме посвящали. И нам отвлечься не грех.

— Ну, тогда слушайте...

— Московские кладбища — особенно те, что расположены в знаковых районах города, — это не просто места упокоения и скорби или тихой печали. Это еще и объекты паломничества. Сюда приходят и навестить близких, любовь к которым хранится семьями, и поклониться памяти уважаемых людей, и осмотреть красоты помпезных захоронений, но еще — приобщиться. Хотя бы рядом постоять с прахом тех, к кому при жизни не удалось бы приблизиться и на пушечный выстрел. Известных. Знаменитых. Людей с именами и положением в обществе. В зависимости от того, к какому слою этого общества принадлежал при жизни усопший, меняется и состав паломников.

Рядом с могилой Высоцкого на Ваганьковском легко увидеть людей гражданско-поэтического склада, бардов, порой маргиналов, порой работяг, порой просто любо-

пытствующих. Более всего среди них тех, кому уже от сорока лет и больше. Молодежи значительно меньше, и число ее, к сожалению, уменьшается с каждым годом. Когда-то обыватели толпой ломились к Новодевичьему посмотреть на могилу Хрущева, где памятник работы Эрнста Неизвестного казался почти антисоветским: как-никак он поместил голову бывшего генсека между черным гранитом и белым мрамором: «Да ведь это намек на то, что не все было хорошо в делах Никиты Сергеевича! Да как же скульптор не побоялся!? А что он хотел сказать, изваяв одну только голову?» Прийти и увидеть означало почти выразить свою солидарность с крамольным замыслом — не слишком явно, конечно, но все-таки. Увидел, и вроде бы сказал крикливому и хулиганистому прародителю знаменитой «оттепели», отцу кукурузы и борщевика: «Как хочешь, товарищ Никита, но за многое я тебя осуждаю». Именно вот так — по-свойски. Однако чем дальше от даты смерти, тем меньше посетителей у могил бывших великих мира сего. Только осень швыряет свое золото на каменные плиты, только птицы поют да зимние снега равно обеляют правых и неправых, злых и добрых, талантливых и бездарных. Как говорится — «что царь, что золотарь, а все смертна тварь».

Впрочем, среди посетителей мест памяти и скорби встречаются и другие персонажи. Они не ходят толпами, фотографируясь на фоне некрополя, у них свои задачи.

Представьте: в один прекрасный осенний день по аллее Новодевичьего кладбища между третьим и четвертым участками шла женщина, чей возраст уже заметно перевалил за бальзаковскую пору. Аккуратный серый плащ, туфли на низком каблуке, тщательно завитые, окрашенные в темно-каштановый цвет волосы, зеленый шейный платок — все это создавало образ бывшей ответственной работницы административной сферы на заслуженном отдыхе. Небольшие золотые серьги с бриллиантами подчеркивали общественный статус. Красная помада на губах и легкие тени на веках свидетельствовали о том, что женщина, несмотря на возраст, еще хочет нравиться, и это ей явно удастся. Впрочем, то ли фасон плаща, то ли модель туфель, то ли весь ее наряд в целом оставляли ощущение не московское — с большой вероятностью можно было бы предположить, что в Москву она приехала либо из интеллигентного Львова, либо из парадного Ленинграда. Женщина шла по кладбищу уверенно, не торопясь. Читала памятные надписи, всматривалась в лица на стелах и надгробиях, порой останавливалась и вновь шла по ей одной понятному маршруту.

Недосужий наблюдатель заметил бы, что она относится к некрополю, как искусствовед к хорошо изученному музею: кивает знакомым покойникам, иногда хмурится, иногда чуть улыбается. Впрочем, при более тщательном наблюдении стало бы понятно и то, что эти реакции как раз и рассчитаны на взгляд со стороны. И на желанный вывод: эта посетительница тут неспроста. Видимо, судьба ее прошла рядом со многими известными личностями, вот и навещает бывших друзей и недругов. Видимо, эта аккуратная и останавливающая внимание особа «из тех»...

...Не доходя до одной из могил, явно намеченных программой, идущая вдруг притормозила. Там, чуть в отдалении, у большой вертикальной плиты светлого мрамора с вырезанной в форме лиры правой частью стояла другая посетительница. Высокая, средних лет, одетая в дорогое темное пальто, она явно не относилась к празднично гуляющим: поставила цветы в высокую вазу, поправила их, протерла мраморный горельеф, изображавший властную женщину с накинутой на плечи шалью. Протерла и две надписи, свободно разместившиеся на широком каменном поле: Екатерина Алексеевна Фурцева и Светлана Петровна Фурцева. Затем она на некоторое время замерла в молчании, не обращая внимания на окружающее.

Первая посетительница напряглась. Глаза ее было сверкнули, но лицо тут же приняло подобающее месту выражение легкой скорби и интеллигентной задумчивости.

Она, почти незаметно ускорив шаг, приблизилась к могиле и встала рядом — на несколько минут воцарилась полная тишина. Затем подошедшая переступила с ноги на ногу, давая понять, что собирается уходить, и тихим голосом близкой подруги осведомилась:

— Простите, а что, Фирюбин все за границей?

— Да, — так же негромко ответила стоявшая. — Все за границей.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила подошедшая, и на лице ее выразилось некоторое неодобрение Фирюбину. Впрочем, видно было, что она — человек широких взглядов и многое может понять и простить. Если, конечно, ее спросят. Но вопроса не последовало, и женщина сказала: — До свидания.

— До свидания, — ответила вторая и осталась стоять в одиночестве, в то время как первая, сперва медленно, а потом все ускоряя шаг, уходила. Теперь она спешила. Ей нужно было срочно — пока не расплескалось впечатление — рассказать об этой встрече. Домашним или подругам, неважно. Главное — рассказать, поделиться тем, как она, зная в деталях скандальную подноготную отношений бывшего министра культуры с мужем, оказалась «причастна» — вошла, как своя, на краткий миг в этот недоступный ей сияющий круг больших страстей, больших пороков, больших свершений и больших имен.

Попутчики по купе закивали: «Есть такое дело. Характерно». Василий пожал плечами: «Да, все так. Только в толк не возьму, какая им с того радость?»

— Вам непонятно, а я эту историю услышал от взрослых детей той самой женщины, которая ходила за впечатлениями на кладбище. Мне ее рассказали в форме гордого семейного предания. Дескать, ишь как мама ловко произвела впечатление! Вот уж что да, то да... Я, каюсь, тоже покивал, но испытал жуткое чувство гадливости, как будто заметил человека, с интересом подглядывающего в шелку общественного туалета и сообщающего потом желающим, у кого какое нижнее белье и прочие скрытые особенности организма. Впрочем, в той компании, где это рассказывалось, я был единственным, для кого красота ситуации не была очевидной. Остальные радостно похохатывали и одобряли кладбищенский эпизод. Кто-то даже заметил: «Правильно она выдала! Пусть не думают, что мы не знаем!» И вот с тех пор я знаю, что они — знают. Что вся жизнь людей мало-мальски заметных проходит под микроскопом среднего класса. Их крутят, препарируют, составляют из оторванных запчастей и придумывают версии. А потом радостно делятся результатами. И обратите внимание, ведь сами среднеклассные тетki свою жизнь редко кому-то рассказывают: не скандальности стыдятся, а незначительности. Зато о чужих жизнях рассуждают так, словно им на это королевское ленное право дано. Судят, сплетничают, причмокивают от наслаждения.

— Ничего удивительного, — сказал Василий. — Они свою пустоту чужими судьбами замещают. А того, что есть под носом, не видят. Сами себе не верят. Сами себе не рады. Я эту истину однажды от интересной тетki услышал. Оказался за одним столом в ялтинском санатории с какой-то украинской ясновидящей, вот честное благородное слово! И ходили мы завтракать, обедать и ужинать вместе аж целую неделю. Знаете, как оно бывает: закрепили за вами номер столика, ну и получите его вместе с соседями. Ясновидящая — или как там это правильно в женском варианте? — экстрасенсорка? — была теткой позитивной, веселой и жизнью довольной. Она в санаторий отдохнуть от трудов своих праведных прибыла вместе с мужем, тощим таким и субтильным хохлом, из тех, что чаще всего любят пышных и самостоятельных женщин и безоговорочно признают их верховодство. Не знаю уж, с чем это связано, но на Украине такое сплошь и рядом. Соседствовать с ними было одно удовольствие. Мы и анекдоты рассказывали, и впечатлениями делились, а главное — ничем украинская ведунья своих особых дарований не рекламировала. Тетка и тетка. Никогда бы и не подумал про нее ничего такого, если бы муж ее однажды не проговорился. Ну а мне-то какая разница? Мне ни

гадалки, ни знахарки не требовались. Как там у классика? «Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю».

Но глаз у соседки был все же острый. Уж не знаю, насколько она в своем ремесле преуспевала, но что умная была женщина — это гарантирую. И вот как это обнаружилось.

Обслуживали нас тогда посменно две официантки. Одна чернявенькая такая, шустрая, приятная. Все норовила что-то предложить, что-то посоветовать. Могла, например, компот лишний принести или гарнира добавить — только скажи. А вот вторая — блондинка — оказалась стервозной. И положенное-то ставила на стол словно собакам корм, а уж дополнительный кусок хлеба у нее и спросить нельзя было: не только не даст, так еще и нахамит в ответ. Раз так было, два, три. И однажды, когда она в очередной раз нам какую-то гадость ляпнула, ясновидящая на нее глянула, скривилась, а едва та отошла, выдала:

— Несчастлиная же девка! Сама себе не рада!

— Как-как? — переспросил я.

— Да так уж. Не будет у нее в жизни никогда счастья настоящего. Сама себе к нему дорогу отрубила. Теперь всех вокруг винит. До смерти лаять будет. Пожалеть ее надо.

И знаете, я эти слова запомнил. И вправду, чего взять с того, кто сам себе не рад. Ему и чужая радость не в радость, да и своей нет. Так и живут, как смертельно больные. День ото дня — от потери к выгоде. А миру про себя одним твяканьем напоминают.

— Ну, раз мы и про отвлеченные материи рассуждаем, то у меня тогда тоже есть что добавить, — задумчиво промолвил Александр. — К нашей теме не напрямую, но не без намека. Позвольте? Тут вот про официантку заговорили, за чей столик садиться противно, а я о другом расскажу. Не всегда ведь средний класс так легко обойти, как место в ресторане поменять — иной раз от них никуда и не денешься. Возраст ли, обстоятельства ли, но к ним можно запросто попасть в зависимость.

— А именно?

— Да, самым обычным, обыденным даже образом. Подумайте о престарелых родителях, чьи дети выросли и сделались этим самым средним классом. О мужиках, которые в какие-нибудь аварии попали, на войне искалечились или на производстве. И вот тут-то начинается самое интересное — когда им их среднечеловеческие благоверные и дети начинают счастливую старость или уход обеспечивать. В Европе все просто: списали в дом престарелых, в хоспис какой-нибудь, и вроде как дело в шляпе. Они привычные. У них это не первый век. Правда, говорят, и там не всегда все так уж хорошо, но то не наше дело. Пусть как хотят, так и живут. А вот российские, отечественные...

В деревне где-нибудь бабке лежащей или деду немощному дети и внуки по очереди поесть-попить подносят. Моют, обстирывают. А если нет, так в них со всех дворов плевать начнут. Дескать, «как не стыдно». Зато в городах уже все иначе. Цивилизация, мать ее так. И вспоминается известный анекдот о стакане воды, когда мужика холостого жениться уговаривают. Мол, «готовь сани летом, а уход за собой в среднем возрасте». Да только даже у тех, кто женится вовремя, не всегда все хорошо выходит. То воды не хочется, то не дают ее, хотя и вертятся поблизости. Будете слушать?

— Наливай! — раздалось в купе.

Василий налил, стаканы сдвинулись, и новая история начала медленно сплетаться под вагонным потолком.

СЛАВИК

В свои восемьдесят с большим гаком Славик не обрел ни больших чинов, ни чрезмерного достатка и даже не стяжал особенного уважения близких и знакомых. Хотя ему, родившемуся в 1923 году, давно уже было пора именоваться по имени-отчеству —

Вячеславом Андреевичем — называли его так только коллеги по работе, сноха и зять. Да и то коллеги больше в силу привычки — Славик все последние годы до пенсии преподавал в питерском техникуме военное дело, а учителей принято звать по отчеству вне зависимости от прожитых лет. Смотришь порой, идет по школьному коридору какая-нибудь юная выпускница педагогического, ей бы на дискотеке отплясывать, а туда же — Ангела Аполлинарьевна. Традиция есть традиция. Другое дело — семья. Дочь и сын в глаза именовали Андрееча папой, жена Славой, но за спиной все они говорили о нем как о Славике, и никто уже не помнил, откуда взялось это уменьшительно-пренебрежительное прозвище. От домашних манеру так называть его переняли и друзья, хотя и они, соблюдая приличия, при встречах употребляли нейтральное Слава.

Сам Славик был мужчиной среднего роста, нешироким в плечах, с редкими светлыми волосами, которые у блондинов становятся седыми естественнее, чем у брюнетов. В голубых — а к старости бесцветных — глазах Славика всегда таилось некоторое осуждение окружающего, подогреваемое при СССР ночными прослушиваниями новостей Радио «Свобода», а после перестройки — «Эха Москвы». Какие бы флаги ни развевались на улицах, Славика они не устраивали. Впрочем, имея богатый опыт жизни при тоталитаризме, Вячеслав Андреевич никогда напрямую не критиковал власть — он лишь подвергал сомнению все, что эта самая власть считала своими победами и достижениями. С радио и телевизором не поспоришь, но если кто-то из родных или знакомых осмеливался рассказать в компании о том, что со стапелей сошел новый корабль, Славик пренебрежительно махал рукой: «Да, подожди ты! — произносил он, вкладывая в эту реплику все возможное презрение. А потом интересовался: «А где для корпуса заклепки брали? Наши? Ну, да... Теперь все ясно». Что там было Славике ясно, никто не понимал, но разговор сам собой сворачивал на нечто менее бравурное. На всякий случай. С годами выработалось правило: при Славике ничего не хвалить и ничем не гордиться. От греха. Иначе возникали порой ситуации неудобные.

Однажды сноха, подвизавшаяся на ниве культуры, пригласила к себе на день рождения дирижера известного питерского оркестра. Стол был накрыт по всем правилам, с хрусталем и мельхиором. После официальной программы, тостов и горячего, когда гости слегка расслабились, Славик, ускользнув из-под контроля бдительной жены, хлопнул пару лишних рюмок и внес некоторое оживление в светский ритм беседы.

— А вот скажите, — обратился он к дирижеру, перекрывая поставленным учительским голосом негромкое течение застольных разговоров, — может оркестр сам сыграть какое-нибудь произведение?

— В каком смысле? — не понял дирижер.

— Ну, сам. Без управления. Просто по нотам. Музыканты ж ноты знают?

— Может, конечно, — покровительственно ответил собеседник. — Но тут важно...

— Спасибо, — прервал его Славик. — Я так и думал. Теперь все ясно.

После этого в наступившей оторопелой тишине Андрееч равнодушно от дирижера отвернулся и, уже не скрываясь, налил себе очередную рюмку. «За здоровье! — поздравил он именинницу, застывшую с неприветливым выражением на еще недавно интеллигентном лице. — Будь здорова!» И отправился пообщаться с курившими на кухне.

— Кто ему наливал!? — истошно шипела потом жена Славика, когда гости разъехались. — Как же вы не уследили!? Надо было от него все бутылки на другой конец стола переставить! Вы же его знаете!!

На самом деле с алкоголем у Славика были особенные отношения. Он не пил. Вернее, не пил без повода. Никаких иных причин, кроме больших праздников и гостей, у него для принятия внутрь дозы спиртного не существовало. Даже традиционный стопарик «для сугреву», предлагаемый по осени соседями по гаражу, Славик никогда не выпивал. Он вежливо отказывался и продолжал копать в своем «жигуле», куплен-

ном на склоне лет вместо заслуженного четыресто первого «москвича». К старости долгие путешествия стали Славику уже не по силам, но конструкцию «жигуля» он усовершенствовал — не доверять же заводской комплектации! После усовершенствования в багажнике машины половину пространства занял огромный красный баллон с пропаном, а в салоне начало тошнотворно пахнуть газом. Но Славика это не заботило, главное, что расходы на бензин сократились, а для свежего воздуха всегда можно было приоткрыть окно — благо зимой он уже за руль не садился.

Вообще, семейные выезды сделались редкостью. Сын водил собственный автомобиль, дочь вышла замуж и уехала жить в Москву вместе со внучкой, а жена предпочитала общественный транспорт. Ей так казалось безопаснее. Кроме того, чтобы раскошегарить машину к любой поездке, Славик уходил в гараж загодя и возвращался непредсказуемо. Мог приехать через час, а мог и через три-четыре. И на возмущенный вопрос: «Ты где пропадал?» — отвечал кротко и невозмутимо: «Да подкрутил там кое-что».

Жизнь Славика, как жизнь любого благополучного пожилого человека, стояла на трех китах и черепахе домашнего распорядка. Жена его — женщина с гонором и запросами, любившая светские беседы, театр, выставки и путешествия, — стремилась, чтобы муж выглядел пристойно, а потому Славик всегда был чист, наглажен и одевался достаточно импозантно. Сохранив армейскую привычку к аккуратности, он и сам любил свежие отглаженные рубашки, стрелки на брюках и не расставался с узеньким темным галстуком, сменить который на более современный его так и не удалось убедить. Правда, рядом с парадной женой он смотрелся обычно, как водитель при хозяйке: опрятно, но без запросов. Однако Славику это было все равно — он не обращал внимания на мелочи. И все текло гладко до тех пор, пока однажды жизнь не дала трещину — нежданную, но глубокую и непоправимую.

— Что-то у меня нога болит, Слава, — пожаловалась жена.

Славик извлек из-под дивана трехлитровую банку с мутноватой жидкостью — собственное изобретение в области медицины, спиртовую настойку лопуха.

— Давай компресс сделаю, — предложил он.

— Сделай, — обычно скептически настроенная к лопуховой медицине, здесь жена не стала спорить и даже позволила мужу обвязать ей ногу тряпочкой, смоченной волшебным эликсиром. Однако ни в этот день, ни на следующий, ни через неделю боли не уменьшились. Обратились к врачу. И врач срочно выписал направление в больницу — в ту самую, название которой питерцы произносят, понизив голос. «На Песочную». А еще через месяц после двух операций супруга умерла — рак развивался со скоростью лесного пожара. И Славик нашел себя в полном одиночестве в трехкомнатной квартире на Тихорецком проспекте среди вымытой, но не расставленной по местам посуды, оставшейся после поминок.

Квартира, в которой у него с женой давно уже были разные комнаты, теперь принадлежала ему одному. И вдруг оказалась большой, неуклюжей и совсем некомфортной. Так бывает, когда исчезает тот человек, который обустроивал помещение по своему разумению, — с его уходом осмысленность пространства теряется, но сил на то, чтобы все переделать иначе, уже не хватает, да и настроения нет тоже.

Прошло два года. На семейном совете, где верховодила дочь, взявшая на себя управление общими делами, касавшимися всех — и ее, и брата, и их детей, — было принято решение, что оставаться одному для Славика не годится. Годы не те, зрение ослабло, да и прыжки отечественной экономики сбивали пожилого человека с толку — он все никак не мог адаптироваться ни к новым ценникам, ни к новым купюрам. Жизнь в семье сына исключалась: во-первых, Слава к своему отпрыску был настроен скептически и ни его самого, ни его жену особо не жаловал. Сын с отцом уже давно взял манеру общения ироничную, ненавязчиво давая понять разницу между собой — совре-

менным благополучным управляющим гостиницей — и папой — простым учителем и воякой в отставке. Сноха никак не могла забыть эпизода с дирижером и тоже не горела желанием сосуществовать с тестем на одной территории. Так что решение требовалось кардинальное.

Выручило то, что к этому моменту уже вышла замуж внучка, ставшая вслед за матерью москвичкой. Им с молодым супругом требовалась собственная квартира, и тут возможность засветилась реальная. А посему решено было питерскую жилплощадь продать, семье сына выделить долю материнского наследства деньгами и несколькими дорогими вещами, привезенными когда-то в виде трофеев из Германии, а деда перевезти в Москву под присмотр внучки. Той в награду приобреталась отдельная квартира, и хотя питерских денег, естественно, не хватало, но тут уж ничего не поделаешь — доплатили. В виде бонуса сыну для внука дед отдал и свою машину — того самого газифицированного «жигуля». Не без некоторых волнений ситуация все же решилась ко всеобщему удовольствию.

...Впервые оказавшись в Москве не гостем, а в качестве полноправного жителя столицы, Славик рассматривал ее по-новому. «Надо же, — удивлялся он, выглядывая в окно дома на Ленинградке в полвторого ночи, — не спит ведь город!» Обустроившись — фактически восстановив в меньшей из комнат уже московской «трешки» интерьер своего питерского «кабинета», — Вячеслав Андреич зажил дальше. Грусть по утраченной жене он никому не демонстрировал, разве что стал чаще ворчать и порой пытался научить уму-разуму живущих рядом молодых. Молодые не реагировали (муж внучки иногда взвизывался, но ему напоминали, что квартира куплена наполовину за счет деда, и волей-неволей приходилось смиряться). Без особого лада, но и без особых тревожений покатались московские годы.

Однажды Славик решил поправить на веревке кое-как развешанное внучкой стираное белье. Оно располагалось над ванной, и достать до него было трудно. Дед кряхтя притащил на кафедру табуретку, влез на нее, потянулся к тряпкам и упал, ударившись и потеряв сознание. Так его и нашли молодые, когда вернулись вечером домой. Вызвали «скорую», которая констатировала сотрясение мозга и перелом вилки бедра — травму для пожилого человека очень серьезную. Фактически после нее Славик уже не ходил самостоятельно — больше лежал. И вот тут снова начались проблемы.

Внучка должна была вот-вот родить. Ребенок у них с мужем долго не получался, и ожидание первенца для всей семьи стало серьезным событием — с тревогами, хлопотами, новым обустройством и, как это часто бывает, переоборудованием всего пространства дома под появление малыша. Лежащий дед в эти планы не вписывался. Ему самому требовались постоянный уход и некоторая бытовая инфраструктура: размещение у кровати медикаментов, разные медицинские процедуры, книги в прямом доступе, работающий радиоприемник, телевизор, не говоря уже о таких моментах, как туалет, купание и по возможности прогулки.

Внучка-любимица к двойной нагрузке была не готова. Дочь тоже — на предложение мужа перевезти тестя к себе она даже не стала отвечать, просто покрутила пальцем у виска. Ей — новой главе семьи, выстроенной на принципах матриархата, — предстояло принять новое важное решение. И она его приняла. Для Славика сняли квартиру и наняли сиделку. Не имея в этой ситуации даже совещательного голоса, он принял перемены молча и как-то обреченно: его перевезли в пустую «однушку» с дежурным, похожим на гроб гардеробом хрущевских времен и таким же стареньким черно-белым телевизором. Пришла и сиделка — умильно улыбающаяся хитрая деревенская баба, которая, впрочем, свои обязанности выполняла довольно добросовестно. Поселилась она здесь же — на кухне ей был выделен диван. Деньги на питание привозились раз в неделю, и дело пошло.

— Я с ней больше жить не буду, — сказал однажды Славик зашедшей навестить его дочери. — Она ворует, я ж вижу.

— Ты обалдел? Я тебе где другую возьму? — с ходу раскричалась дочь. — Ты хоть понимаешь, Славик, сколько стоит тебя тут содержать?! А готовить?! Она стоит дешево — пусть приворовывает. Кто тебя иначе чистить-мыть-обслуживать станет?! Твоей пенсии тебе даже на кашу гречневую не хватит — мы и так с тобой разоряемся! Прекрати капризы!

Славик прекратил. Нет, иной раз он принимался опять что-то доказывать и о чем-то просить, но все реже, тем более что реакция дочки всякий раз становилась все крикливее и жестче. А любимица внучка в эти моменты молча выходила на кухню и лишь перед уходом снова появлялась сказать дежурное «пока, дед!».

Летом, когда дочь и внучка отбывали на отдых, из членов семьи Славика навещал только зять. Втихую он однажды принес деду новую электробритву взамен той, которая уже лет пять как ничего не брила (дочь покупке сопротивлялась, как могла: «Куда ему прихорашиваться?!»). В жару наладил пару вентиляторов. Несколько раз вынес старика на улицу подышать свежим воздухом и посмотреть на городской двор. Но, в конце-концов, это был не его дед — и потому зять тоже не слишком-то усердствовал, действуя больше из чувства долга и некоторой солидарности, свойственной лишь мужикам: «с каждым может случиться». Приходя к деду, зять рассказывал ему кое-какие новости, семейные и городские. Слушал скептические замечания по поводу рассказанного, соглашался, поддакивал. Дед улыбался — ему нравилось, что с ним соглашаются. Так и шло.

Однажды позвонила сиделка. Славик умер. Его прах после крематория похоронили так, как он и хотел — рядом с женой на питерском кладбище. Хлопоты взяла на себя дочь, и все было организовано достойно — «как у людей». На поминках вспоминали, как Славик любил прихвастнуть, пофантазировать, приврать — было за ним такое. Вспоминали, что, выпив в компании на праздник, мог порой со всеми поссориться, а назавтра уже и не помнить, из-за чего с вечера вспылел. И еще много чего вспоминали — нелепого, смешного, мелкого.

И только разбирая после смерти документы отца, дочь нашла папку с его наградами бумагами — боевые ордена и медали за службу снайпером во время войны. Потом — награды за работу в разведотделе. Потом командировочные удостоверения на Кубу и в Венгрию. Фотографию, где дед стоял в обнимку с Фиделем и Раулем Кастро. Фотографию из Вены, снятую в День Победы — 9 мая. Боевой портсигар из жести: «Дорогому бойцу! Бей фашистов за нашу Родину!» И везде — буквально везде, даже на обороте фотографий — было написано полное его имя — Вячеслав Андреевич. Имя, которого Славик лишился в своем доме — вместе с военной биографией и заслугами. Так как никому это было не интересно. И прежде всего — окружавшим его женщинам. А награды — память об отце — дочка в школьный музей отдала, к которому ее родитель никогда никакого отношения не имел.

— С-с...и, — слегка стукнул по столу пальцами Семен. — Вот же... Ну, как их еще назвать?

— Да, не стоит ругаться, Сэм, — успокаивающе произнес Павел. — Видите ли, главная неприятность заключается в том, что этот рассказ только у нормальных людей и только в таком виде вызывает возмущение. А в быту ловкая дочка наверняка одобрением всех своих знакомых заручилась! Круг-то один и тот же. И в нем нет слова «люди». Там никто людей не видит. Ни в других, ни в себе. Ибо сами — нелюди. О любой ситуации судят только по ее выгоде. Причем не о каких-то особенных барышах речь идет — они человеческую природу продают за три копейки, за микронное удобство. Вы разве никогда не слышали, как ведут себя женщины этой среды при ссорах? С них

лоск и воспитание слетают, как с одуванчика былинки: две минуты назад с тобой говорила вполне воспитанная и даже в чем-то рафинированная особа, а стоит обстановке накалиться, и в ход идет все — от площадной ругани до битья посуды и воплей, от которых стекла трескаются. Удивительные бывают метаморфозы.

Понимаете, другому и взяться неоткуда. Интеллигентность так называемая там в первом-втором поколении. Они все еще у плетня стоят и с соседками гавкаются. Отсюда и стиль. Вернее, смешение языков. Раньше французский с нижегородским смешивали, а теперь возвышенно литературный с площадно-базарным.

А еще интересно на них смотреть, когда они теряют контроль и случайно напиваются. Вот уж любой бомж нервно курит. От песенного репертуара до эротической раскованности — все за гранью. Племя мумбо-юмбо, дорвавшееся до огненной воды. Зато назавтра опять тело помятое упаковано в отглаженное обмундирование, тени на веках лежат, мешки под глазами льдом из морозилки убраны, и при слове «жопа» мадам возмущенно морщится. «Ах, как можно!» Ладно, раз уж мы слегка отвлеклись от обсуждения любви и связанных с ней историй, давайте я от себя тоже несколькими наблюдениями поделюсь. Не против? Нет? Тогда вздрогнем, и с богом!

ЖИЗНЬ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Жизнь каждого человека — вроде бы единая и неделимая — на самом деле вовсе таковой не является. Последовательность ее процессов лишь на взгляд самой Личности действительно последовательна. Все остальные видят человека отрывочно и воспринимают его по сумме накопленных впечатлений. Потому образ каждого индивидуума «един в трех лицах»: собственное восприятие дополняется чужим — позитивным и негативным. В раннем детстве это хорошо различимо. Незрелая личность ребенка пытается соответствовать одному из своих отражений в глазах окружающих, и ее «раскачивает» то в одну, то в другую сторону. «Хороший Ребенок» может в доли секунды сделаться вдруг «Противной Плаксой», и наоборот. Постепенно, с развитием самосознания, в пространстве между отражениями возникает тот образ человека, который он почитает окончательно своим. Тот, где органично уживаются и достоинства, и недостатки, где появляется и способность самому отражать окружающее, а значит — влиять на него.

— Павел, а попроще? — попросил Александр. — Опосля хорошего возлияния мне философия в голову слишком медленно проникает. А не хочется упускать.

— Можно и попроще. Не вопрос. Вспомните хорошо знакомую каждому «комнату смеха». Представьте себе, что вашей задачей является выглядеть прямо в кривом зеркале. Добившись прямоты отражения, вы сами искривитесь до полной неузнаваемости. То же происходит и с характером: пытаясь соответствовать чужим представлениям об идеале, человек искривляет себя, уродует, превращается в морального инвалида — и это даже в том случае, если выбранная в качестве эталона отражающая поверхность обладает позитивными свойствами. «Делая жизнь с кого», мы превращаем самих себя в уродливых гоблинов и неизбежно натываемся на осмеяние или осуждение со стороны тех, кто изуродовал себя по иным лекалам. Картина, если вдуматься, апокалиптическая: она напоминает жуткий — до крови и увечий — спор в инвалидном доме о том, чье уродство лучше.

— Ну вот. — спортсмен удовлетворенно кивнул. — Так куда доходчивей. Валяй дальше.

— А дальше уже энергетика. Мир вокруг нас пластичен. Когда зеркало нашей собственной личности не искривлено, он тяготеет именно к нам, инстинктивно ощущая воз-

можность правильно отразиться и осознать себя без искажений. И тогда наша судьба выпрямляется, а люди и события в ней образуют понятное и предсказуемое четырехмерное единство — нам вняты становятся причины и последствия любых побуждений, тайные мысли и скрытые процессы. И тем противнее делаются навязчивые трактовки происходящего, включая трактовки наших личных мыслей и побуждений, сделанные людьми с искривленным, подчиненным и глубоко изуродованным сознанием. Я вам опять примеры приведу, чтобы уж слишком далеко в дебри не залезать.

— Пойдем в театр? — спрашиваешь ты девушку.

— Всем вам одного и того же надо, — вдруг отвечает она. Но соглашается: — Ну, пойдем.

«Шла б ты... в театр... одна», — формируется мысль. И в зависимости от степени собственной прямооты либо произносится вслух, либо откладывается про запас, ибо вполне возможно, что девушка права. Решать тебе. Если ты просто собирався предложить симпатичной знакомой посмотреть хороший спектакль, а потом еще и поговорить об увиденном, то ее фраза эти планы перечеркнула. И тогда лучше сразу расстаться. На день, недельку или навсегда. Ну а если предложение культурной программы служило планам «охмурить и поиметь», то обижаться не на что. Тебя раскусили. Хотя именно раскусанные чаще всего и обижаются.

— Посмотри, как она одевается! Ужас! — говорит тебе одна женщина о другой. Если ты разговариваешь с женой, то правильным ответом будет: «А пойдем тебе что-нибудь новенькое купим из одежды!» Если беседа ведется со знакомой, то, скорее всего, тебя приглашают сделать комплимент и вообще намекают на возможное развитие отношений. В кривом зеркале восприятия угол падения слов девушки вовсе не равен углу твоего отражения. Но оценив кривизну и обладая некоторым опытом, можно сделать правильный — а главное, ожидаемый — вывод. Помогает то, что у искривлений есть свои стандарты. Так в каждой комнате смеха нас ждут одни и те же зеркала, и мы примерно знаем, как будет выглядеть мир в каждом из них. Правда, смешно лишь вначале. Потом это становится скучно — не зря на выходе из любого такого аттракциона висит обычное прямое зеркало. Оно, как выясняется, куда интереснее.

С возрастом мы обрастаем мифами, как обрастает ракушками дно корабля, долго не проходившего утомительную процедуру кренгования. Мифы тормозят и мешают. От нас ожидают того, чего мы дать или сделать не в состоянии — или просто не хотим. Но куда хуже, когда созданный миф возникает неожиданно и ведет к превентивным действиям со стороны встречного человека. Тут и убить могут «на всякий случай». И предать — запросто. А уж иных менее бросающихся в глаза пакостей наделают без счета.

Рано или поздно личность каждого человека оказывается вынуждена сосуществовать со своими отражениями, также обретшими плотность и объем и претендующими на тот же кусок мирового пространства, в котором по определению есть место только для одной из них. От этого делается тесно и душно. И потому к старости подлецы чаще всего перестают маскировать свои побуждения и поступки, а люди честные стремятся ограничить круг общения теми знакомыми, кто воспринимает их без противного «а вдруг?!». Ибо оглядываться и искривляться уже надоело.

Подает милостыню просящему. Из пространства долетает саркастическое: «Что, с Богом договориться хочешь?» Или менторское: «Ты же унизил человека подачкой!» Или афористично-равнодушное: «Дай человеку не рыбу, но удочку». Думаешь: «Братцы, идите своей дорогой! У меня другой диалог с Богом, другое понимание унижения и нет удочки, которой я бы мог в данный момент поделиться. У меня попросили — я поверил в нужду и дал. А вы поступайте как знаете». Но они не поступают. Они просто оценивают — отражают — сделанное тобой. И это вот мнимое действие, существ-

вующее только на их собственной амальгаме и только в случае, если ты на нее смотришь, заменяет им поступок. И пусть.

Летишь куда-то к черту на кулички, чтобы выручить попавшего в неприятность друга. Рискнешь, набиваешь шишки, вступаешь в борьбу, добиваешься результата. А через день-неделю-год вдруг слышишь, как он трактует произошедшее: «Не больно-то ты торопился тогда... Не слишком-то рисковал... Это ничего тебе не стоило... Да я и сам справился...»

Приятеля бросает женщина. Не просто бросает — еще и распускает о нем какие-то грязные слухи, уничижительно по его поводу отзываясь, топчется по самолюбию и гордости бывшего любовника, по остаткам его возвышенных чувств и осколкам хрупкого романтизма. Он жалуется тебе, просит какой-никакой моральной поддержки. Пересташь общаться с противной теткой, а при случае высказываешь ей свое «фе». Проходит та же пауза. Приятель недоволен тобой: «Зачем ты ее обидел? Мы снова вместе, и она считает твои слова оскорблением! Я тоже считаю, что ты с ней был слишком резок».

Начинаешь бизнес. С трудом налаживаешь первичный капитал, собираешь команду. Купаешься в лучах тепла и благодарности тех, кого подтянул в нее, кто решил свои финансовые проблемы и готов за тебя в огонь и в воду. Но наступают трудные времена. Из твоего офиса пропадают ручки и скрепки, пачки бумаги и прочая канцелярщина. Команда рассасывается незаметно и как-то по-английски — не прощаясь. Спустя годы, слушая кого-то из ушедших, вдруг узнаешь, что вел свои дела неумело, что рисковал понапрасну, что тебе просто везло и что вообще «корчил из себя шефа».

Общаяешься с родственниками. Их скорбные лица говорят о том, что ты их ожиданий никак не оправдал. Но если ты вдруг добиваешься в чем-то успеха, они считают своим (и твоим, конечно) долгом разделить лавры и прочие бонусы. Затем вновь принимают скорбный вид — ну, не оправдал ведь! «Если бы ты их слушал», лавров могло бы быть больше, а бонусы могли оказаться более внушительными. И не дай бог сорваться с восходящего вектора! Вот уж разорвут. Вот уж потопчутся.

Те, кто занимаются энергетическими практиками, знают: нельзя надолго застыть между зеркал. Темный коридор, образуемый отражениями, высасывает из человека силу, подчиняет его, превращает в призрак. То же делают и кривые зеркала, только призрак получается еще и уродливым. Все мы рано или поздно развоплощаемся, и послушайте-ка посмертные воспоминания о былых кумирах — людях, вынужденно отраженных в сотнях и тысячах глаз. Много ли правды услышите? Много ли добра помянут? А при случае — при минимальном удобном случае — потянут чужую славу на себя, скопируют, примерят чужое отражение на собственные хилые чресла и слабые таланты в расчете на то, что такие же малообразованные, но с большим апломбом читатели и зрители не поймут, не поймут на подделке. Помнится, Маяковский написал когда-то графоманистому и подражательному Брюсову:

Разбоя след затерян прочно
во тьме египетских ночей.
Проверив рукопись
построчно,
гроши отсыпал казначей.
Бояться вам рожна какого?
Что
против — Пушкину иметь?
Его кулак
навек закован
в спокойную к обиде медь!

Уж не знаю, как Брюсов отреагировал, но думаю, утерся. У них это принято: в зеркало ведь и вообще плюют, чтобы протереть, так что слюной презрения эту компашку «отражателей» не удивить и не оскорбить. Привычные.

Средний класс — это одна огромная ярмарка кривых зеркал. И ниже, и выше отражения стремятся к прямоте: там другие энергии и самообман, как и прямая ложь, фатальны. Но в середине — власть и праздник кривизны. Она держит крепко, из нее трудно вырваться, и до конца освободиться не удастся практически никому. Даже Христа — его жизнь, слова и поступки — сообщество середняков стремится отразить с удобными для себя искривлениями. Не знаю, как вам, а мне неоднократно приходилось слышать: «Ну, какой он праведник? Подумаешь? И что там у него было с этой блудницей? Да и вообще, неизвестно еще, воскрес он, или это все фокусы».

Но в прямом зеркале видна кривизна ложных отражений. Кривые суждения характеризуют не сам эталон, а тех, кто пытается его опорочить. И если ваше зеркало прямое, другим приходится с этим смириться. Или уж разбить вас равнодушным к отражениям камнем.

Если, конечно, получится. С кривыми руками и попасть-то бывает трудно.

Дверь в купе приоткрылась. В образовавшейся щели возникло лицо проводницы. «Мальчики, сейчас Ростов, — сообщила она. — если хотите подышать, мы там стоим почти двадцать минут. Готовьтесь».

РАССКАЗ НА ОСТАНОВКЕ

Поезд заметно снизил ход, свистнул и наконец пришвартовался у ростовской платформы.

— Ну что, подышим? — предложил Василий.

— Пошли, — мужчины аккуратно составили стаканы на край столика, свободного места на котором уже стало значительно больше, чем в начале пути.

— Эх, не влез бы тать какой-никакой, — сказал, вставая, Павел. — Без присмотра и оставлять жаль. Вроде и брать особо нечего, а в искушение кого хочешь наша обстановка введет. Так и кажется, что тут где-то сокровища Голконды.

— Погодите! — Александр вышел из купе и меньше чем через минуту вернулся. — Вот что значат хорошие отношения с работницами РЖД.

В руке у него тускло блеснул комбинированный служебный ключ.

— На выход, господа! Сохранность имущества гарантируется!

— Дельно, — обрадовался Семен. — Это ты шикарно придумал. Встанем у окошка напротив, и никаких проблем. Кстати, я бы не против какой-нибудь жидкости прикупить. Соки-то у нас уже на исходе. Да и минералки бы пара бутылок точно не помешала.

— Собираем отработанное и пошли. — скомандовал Василий и подал пример, сбросив в один из освободившихся пакетов пустую посуду и прочий мусор. Ему помогли. — Я ведь почему хочу это все на платформе в урне оставить? Тут в вагоне мусорка, поди, уже полнехонька. А там дворники приберутся. И ехать будет комфортнее.

С мешком мужчины вышли на перрон.

— Ну, не нарадуюсь на вас, — похвалила Вера, увидев, как Василий отнес к урне, удачно расположенной рядом с киоском, пластиковый пакет. — Женам вашим завидую!

— А мы холостые, — засмеялся Семен. — Завидовать некому.

— Что, все-все холостые?! — Вера даже рот ладонью прикрыла от ужаса. — Ничего себе! Да разве бывает такое? Не купе, а остров сокровищ!

— Бывает, как видишь.

— Куда ж только женщины вокруг вас смотрят? — поразились она.

— Да насмотрелись уже, — хохотнул вернувшийся Василий. — И они на нас, и мы на них. Вот сидим и всю дорогу про это дело как раз и разговариваем. Скажи-ка лучше, как представительница прекраснейшей половины человечества, почему так получается, что пока женщина не замужем, она и добрая, и понимающая, и выглядит на миллион. А через три-пять лет после свадьбы дома в засаленном халате шастает, скандалы через каждые полчаса закатывает, а муж для нее — враг номер один. Или, во всяком случае, представитель инопланетной цивилизации, с которым общего языка еще наука не разработала. Что меняется?

— Ишь ты, все ему Расскажи, — прищурилась проводница. — Но если по-простому, то мы в детстве-то чаще всего королевичей ждем. Пусть хоть районного масштаба. Пусть хоть на белом велосипеде. А как замуж выходим, видим, что царский сын дальше своего района никогда никуда не двинется. И даже если двухколесного коня на «жигуль» сменит, все равно на нем только на рыбалку с такими же принцами кататься будет. А нам и мир повидать хочется, и приодеться красиво, и туда попасть, где всю эту красоту носить можно. Не в булочную же наряжаться? Вот и начинаем пилить, чего греха таить. Чтоб зад от дивана оторвал.

— Это понятно, — согласился Павел. — Ну а если мужик и сам на месте не сидит? Тогда почему? Ведь и так тоже бывает, да еще как часто.

— Интересы разные, — махнула рукой Вера. — Но это не у нас. У нас одна задача: крепкого мужа найти, да чтобы не пил, не гулял, зарабатывал и детей любил. А как девка из мало-мальски обеспеченной семьи, вот тут и начинается. Я много от пассажирок понаслушалась. Сидит такая фря и жалуется: «Я с ним за границей мучаюсь! Мне по магазинам надо, а он меня архитектуру осматривать тащит! Ну, не баран?» И верите, иной раз так бы и облила ее чаем, чтоб опомнилась. Да нельзя нам. Слушаю, киваю, вроде даже сочувствую. А сама думаю: «За что ж тебе, коза, счастье-то привалило, если ты с ним не знаешь, как обращаться?»

— Умная ты женщина, Вера. — одобрил Павел. — Вот пока стоим, я вам еще одну историю коротенькую расскажу. Как раз в тему. Даже, может, и не историю, а так — вроде фотографии. Подсмотрел я это за границей уже давно. И не вспомню, в какой стране дело было. Но вот запомнилось.

Музей Прадо. Или Лувр. Или на худой конец Уффици. Народ толпится у известных полотен и шустро пробегает мимо тех, которые не упомянуты в путеводителях. Основная масса туристов всех стран кучкуется рядом со столами маркетри и бронзово-фарфоровыми аксессуарами. Богачество!

В толпе выделяются дядечки в замшевых пиджачках и с тросточками — такие задумчиво бродят по залам без какой-либо внятной траектории, нигде подолгу не задерживаясь. Женщина в блузке с турецкой барахолки оценивающе оглядывает античную статую: в ее глазах ясно читается попытка вписать этот мрамор в собственный интерьер: войдет или не войдет? Отходит и возвращается с мужем — зевающим бугаем на золотой якорной цепи. Муж тоже осматривает скульптуру. Не впечатляется. Показывает на стоящую недалеко вазу в человеческий рост с игривыми картинками. Жена задумывается.

По залам движется пара, привлекающая внимание: он и она друг от друга разительно отличаются, но явно пришли вместе, она входит в каждое новое помещение и начинает его осматривать так, как это делают при обыске — по часовой стрелке, задерживаясь у подписей к полотнам, сверяясь с купленным при входе буклетом. Он неторопливо идет против часовой, не подходя близко к полотнам, порой прищуриваясь, порой чуть притормаживая. Когда они встречаются, он что-то шепотом ей рассказывает, она кивает, потом отмахивается и продолжает движение. Он тоже — своим путем.

Разница в их маршрутах понятна: женщина предпочитает совпадать с туристическими группами, которым вещают разноязыкие экскурсоводы. Правда, ей приходится проталкиваться к экспонатам сквозь чугунные спины неторопливых скандинавов или мелкое крошево шевелящихся и шелкающих камерами японцев. Женщина досадует, но тут уж ничего не поделаешь — зато экскурсоводы показывают пальцами на нужные области полотен, куда стоит обратить внимание. Некоторые говорят на понятном языке, и тогда бесплатно удастся услышать то, за что другие выложили какие-то деньги.

Мужчина идет против движения туристов, а потому ему никто не мешает. Чувствуется, что в добавочной информации общественного пользования он не нуждается. Закончив осмотр зала, пара соединяется, и тогда мужчина пытается вернуть женщину к чему-то, что считает важным. Она снова кивает, но снова отмахивается, и они движутся дальше...

В каждом большом музее есть малоинтересный для большинства посетителей исторический раздел. Тот, где в шкафах и стеклянных витринах разложены черепки, наконечники стрел, истлевшие ремешки упряжи, стершиеся до полной неразличимости тотемы и грубоватые украшения из каменных или стеклянных бусин, нанизанных на новые синтетические веревочки.

Попав в аналогичный зал, пара тоже несколько ускорила. Женщина пошла к шкафу с древней посудой, а мужчина сперва поразглядывал ржавые останки древнего оружия. Затем и он присоединился к спутнице. Как ни странно, у шкафа женщина остановилась надолго. Она уперлась взглядом в его среднюю часть, но порой — почти незаметно для окружающих — поднимала глаза к верхней полке. Мужчина, подойдя, приобнял ее за плечи и без паузы сказал: «Золото. Да, это золото». Женщина ошеломленно обернулась к нему: «Ты что? Откуда ты?.. Как ты заметил, что я?.. А точно?...» — «Точно, точно, — ответил мужчина. — Пойдем». На самой верхней полке шкафа располагался не отличавшийся особой художественно-исторической ценностью толстостенный кувшинчик, выкованный из желтого металла. Другие экспонаты были и красивее, и интереснее, но золотым был только он. Видимо, мужчина точно знал, что именно интересует его подругу. И понимал, что ей до смерти необходимо знать, из чего сделан этот толстый и аляповатый, но явно тяжелый и дорожный сосуд. При этом женщина не хотела, чтобы ее заподозрили в меркантильности, и вынужденно осматривала какие-то медные брошки, дабы производить впечатление эстетки, а не хабалки. Услышав от мужа подтверждение, она успокоилась, и пара двинулась дальше.

В зале постимпрессионистов затормозил уже мужчина. Он встал около какого-то полотна Сера и не торопился уходить. Женщина успела обойти зал дважды, выйти в соседний и вернуться, а муж все стоял и смотрел. Наконец жена подергала его за рукав: «Пошли! Не успеем остальное посмотреть!»

— Да мне остальное уже и не надо, — ответил муж.

— Только о себе думаешь! — упрекнула жена. — А вот мне надо! Я еще и половины не видела!

— А из того, что видела, чего-нибудь запомнилось? — спросил муж.

— Ну... — она замялась. — Кувшинчик. Тот, на котором ты меня поймал.

— А! — ответил муж. — Ну, это хорошо. Хороший был кувшинчик. Увесистый. А в этом зале что тебе понравилось?

— Да я тут все знаю, — ответила жена. — Пошли!

Позже в кафе музея я видел, как они сидели за небольшим столиком, давая отдых ногам и восстанавливая калории с помощью маленьких аппетитных бутербродов и кофе. Женщина разложила на столе несколько путеводителей и вещала: «Сейчас отсюда пойдем в центр. Там надо зайти посмотреть обувь, сумки, ну, и в ювелирный заглянуть, ты ж понимаешь! Хотелось бы еще на распродажу в „галерею“ попасть. Надо на осень что-то подобрать. А завтра пойдем на выставку, как ты хотел».

— Ты тогда по магазинам походи, а я в это время пивка попью, — предложил мужчина. — Ноги устали. И подумать хочу — надо как-то уложить в голове все, что видел. Сера особенно.

— Ну почему так? — возмутилась женщина. — Тебе вот мои интересы совершенно по барабану. Я же иду в музей — мне занятно. А тебе то, что меня волнует, вообще фиолетово! Хоть бы лифчик помог выбрать.

— Да зачем я тебе там сдался, в магазине-то? — спросил мужчина. — Ты ж лучше меня все про все тряпки знаешь. Все тренды, все цены, все фирмы. Я-то зачем? Я, если повезет, потом увижу. В рабочем порядке. Знаешь, в этом деле неожиданность — не такая уж плохая штука.

— Ну как же? — удивилась женщина. — А вкус?! У тебя же вкус! Ты же подсказать мне должен. Не стану же я хватать чего попадая.

— Ладно, — сдался мужчина. — Только недолго. Походим полчаса, а потом ты сама продолжишь, а я все-таки пивка попью.

— А без пива ты никак не можешь? — возмутилась жена. — Вот как в музей идти, так тебе пива не надо, а как выбрать вещь хорошую, так давай хлебать. Может, еще водки примешь — для радости?

— Хорошо бы, — вздохнул мужчина. — Но маловероятно. Хотелось бы сегодня вечер провести без скандала.

...Они еще о чем-то говорили, но слова были уже не важны. Важны были их глаза. И судя по глазам, напротив друг друга в кафе сидели люди, прилетевшие в эту страну, в этот город и даже на эту планету из совершенно разных галактик. Она — с жестким холодным взглядом морского членистоногого, и он — со взглядом настороженной лесной птицы. Оба элегантные, оба симпатичные, и оба чужие. Она — музеем и картинам. Он — городу и ей.

— Грустно как, — вздохнула Вера. — Ну, бывает, конечно. Может, оба люди хорошие, да вот жизнь им разная нужна. Как ты говоришь: кому лес, кому дно морское. Иной раз такие до смерти бок о бок проводят. Только счастья им от этого мало. Ладно, дорогие мои, заходите обратно в вагон. Скоро тронемся. Саша, ты как купе отворишь, верни ключик — мне вагон запереть потребуется и туалеты открыть.

— Ого, уже Саша? — улыбнулся Василий.

— А чего ж, — пожал плечами Александр. — У нас, у спортсменов, так принято. Правда, Верочка?

И мужчины вернулись в купе.

ВЕЛИКАЯ РОЛЬ МЕЛОЧЕЙ

Остался позади Ростов, и, отметив возвращение в купе, попутчики решили сделать паузу со спиртным, переключившись на чай. Вера принесла еще четыре стакана — теперь уже с бумажными пакетиками, залитыми крутым кипятком. Вагон затихал. Дети, уставшие от впечатлений, перестали бегать по коридору и легли спать. Взрослые слегка понизили голоса, и даже в тех купе, где было обустроено собственное дорожное застолье, особенно не шумели — повезло.

— Как все-таки приятно, когда в дороге ничего не раздражает, — нарушил установившееся было молчание Семен. — Кстати, друзья. Если вдруг кого-то сон сморит, говорите. Нечего мучиться. Тут никакой принудилочки быть не должно.

— Да что-то я, например, ни в одном глазу, — ответил Василий. — И спать не хочется, и алкоголь выветрился. То ли закуска правильная, то ли разговор душевный? А может, и то, и другое вместе.

— Я тоже бодр, — заверил спортсмен.

— И я, — отозвался Павел.

— Тогда чья теперь очередь рассказывать? — спросил Семен. — Двое в обойме. Кто первый стреляет?

— Ну, давайте тогда я, что ли, — вызвался Василий. — Вроде как у меня созрело.

— Приступай, — ответили ему единодушно.

...

— Тут уже многого касались в рассказах, — начал системный администратор. — И все, в общем-то, глобальное, серьезное такое. Даже завидно. А вот у меня отношения с любимой женщиной распались по совершенному вроде как пустяку. Поводом стало мелкое бытовое вранье. Понимаете, именно мелкое. Но оно было постоянным.

— Алло, алло! Ты скоро домой? — это я звоню ей на работу, так как после окончания ее рабочего дня прошел уже час, а до дверей квартиры хода пешком минут десять. Ну, если совсем уж ползти, то пятнадцать.

— Алло! Да, я уже вышла. — в телефоне слышны женские голоса, какие-то шорохи и чей-то задаваемый моей супруге вопрос: «Тебе сахар класть?»

Я понимаю, что у них с сослуживицами чаепитие и они никуда не собираются двигаться еще, как минимум, минут тридцать-сорок.

— Слушай, да вы же там чай пьете, — удивляюсь я. — Куда это ты вышла? Ты как сидела на месте, так и сидишь. Когда тебя домой-то ждать?

— Да я уже оделась и на выходе, — ничтоже сумняшеся, отвечает благоверная. — Сейчас вот отхлебну еще глоточек и иду.

Проходит еще час. Ее нет. Понимаете, и для ревности нет никакого повода: коллектив у них там абсолютно женский, в ближайших домах масса знакомых, так что пройтись с другим мужчиной невозможно — тут же донесут. Но ведь уже вечер. Мало ли что? Хулиганья и гастарбайтеров везде хватает, даже в самых спокойных московских районах. А потому, подождав еще минут пятнадцать, выдвигаюсь встречать. Подхожу к их офису (он на первом этаже) и через окно вижу, как супруга залиvisto хохочет над чьей-то шуткой, а ей вторят подружки. Никто никуда не торопится. Никто не стоит одевшись с сумкой, прихлебывая последний глоток и обливаясь от спешки чаем. Звоню.

— Алло! Ну где ты?

— Ой, да мы тут на полпути остановились договорить. Вот-вот уже буду.

Первые раза два-три я как-то реагировал. Ругался. Стыдил. Самое главное: я ведь никогда не препятствовал ей как угодно проводить время — ну, хочется ей посидеть и потрепаться с друзьями, так пусть сидит, сколько душа попросит. Хоть до утра. Но врать-то зачем? Ну, вот не помещается у меня в голове это. «Из любви к искусству», что ли? В чем фишка?

Ну, ладно. С этим вроде как понятно. Вроде бы есть у человека такая странность, и придется с ней примириться. Но этим, к сожалению, дело не ограничивалось.

Идем по улице. С нами ее мама — пожилой уже человек. Просто прогуливаемся и уже собираемся с этим заканчивать, так как погода зябкая. И вдруг моя жена замечает какую-то вывеску о распродаже, или просто знакомый магазин ей на дороге попадает. Не подумайте, не продуктовый. И она нежным чижином щебечет: «Ой, можно я на минуточку? Мне только одним глазком! Живой ногой — туда и обратно. Подождете?» И ныряет в двери. Ждем. Вы не поверите — полчаса ждем. Ладно, я — я привычный и молодой здоровый мужик. Может быть, не очень любимый (такие мысли тоже начинают посещать). Но — мать? С этим-то как? Или тоже — «не очень»? И опять же, по возвращении на лице супруги нет ни тени смущения. «Я задержалась, да? Ой, ну простите! Идемте скорее, тут кафешечка есть хорошая. Там согреемся». И снова повторюсь — это не разовый такой случай. Это правило!

Отвлекаясь, скажу, что есть у меня и один знакомый мужик со схожим характером. Этот тоже никогда и никуда сроду вовремя не приехал. Причем его «не вовремя» означает не получасовое опоздание, что само по себе уже неприлично. Он опаздывает часика на три-четыре. Всегда, понимаете? Всегда. Мне поначалу, когда мы познакомились, казалось, что он таким образом мне свое неуважение выказывает: дескать, «подождешь!» Но со временем я понял: это органическое. Он ровно таким же образом и на поезда опаздывал, и на самолеты. И на всякие важные для него самого деловые встречи. Сколько на этом партнеров растерял — ужас! И ведь, вообще-то, деловой человек. Умеет крутиться, дела всякие проворачивает. А вот с циферблатом не дружит. Но он хоть не врет. Уж опоздал, так опоздал — если ему позвонить в этот момент, честно скажет, что отвлекся и в другую сторону поехал. А жена моя тогдашняя обязательно врал. Причем настолько тупо, что ты невольно задумывался: либо она глупа, либо тебя считает полным идиотом.

Я, конечно, нервничал. Попутно начал к ее родственникам присматриваться. Мне еще прабабушка говаривала: «Захочешь жениться, смотри сперва гнездо!» Только я, дурак, поздноватое к этому процессу приступил. И вот что обнаружилось: в их гнезде вообще правду не жаловали. Не принято было, так сказать. Пожилое поколение по понятным причинам шифровалось: что поделаешь, тяжелое наследие сталинизма. А вот младшее почему? Старший брат моей супруги, как и она сама, был человеком, мягко говоря, к откровенности не склонным. Причем врал, даже когда его и не спрашивали. Ехал, например, со своей женой отдыхать куда-нибудь в Европу — в места устойчивого гнездования российских менеджеров. А всем — и родственникам в том числе — сообщал, что проведет отпуск под Тамбовом в деревне с комарами. На работе — понятно: боялся, что позавидуют и подсидят. Но зачем он родным и близким лапшу на уши вешал, я никогда понять не мог. По инерции, что ли? Или чтобы не сбиться, кому чего наплел? Помните, при СССР те, кто находил себе какой-нибудь «нетрудовой» доход, его потом активно маскировали. «Норку под белку» перекрашивали, домой гостей не приглашали, чтобы те хорошую мебель и посуду не засекли, икру только под одеялом на бутерброд намазывали. И так далее. Видимо эта привычка у них и в новые времена перешла, только выглядела уже совсем как-то странно в рыночных-то условиях. Чтобы не сказать — убого. А главное, человек ведь не понимал, что этим сам всему миру практически в лоб говорит: наворовал. Выжулил. Выкружил. И если правда всплывает — а куда она денется? — репутация за ним прочно закрепляется хреновая. Но тут уже ничего не поделаешь. Паранойя. И вы не поверите: сестра это качество своего братца всегда высмеивала — дескать, врет и не краснеет. И все семейство свое врать приучил. Но чтобы самой правду сказать — этого ну никак у нее не получалось.

Иной раз говорят: стерпится-слюбится. А я вот думаю, если все с любви начиналось, то тогда как? Стерпится-разлюбится? Обидно же, нет?

— Василий, ну ты строг больно. — сказал задумчиво Саша-спортсмен. — Все они врут. Ну или почти все. Ты ведь сам говоришь: никакой корысти в этом вранье не было. Просто так мозги устроены. Раздражает, конечно, но вряд ли это так уж фатально.

— Соглашусь. Если отдельно взято — не фатально. Да и вообще все мы совсем не ангелы. Но меня давно уже одна мысль посещает: а почему, собственно, в браке люди друг другу обязательно что-то должны прощать и что-то друг в друге терпеть? А нельзя по-другому? Я, например, понимаю, что жену что-то в моих привычках раздражает, ну и меняю их. Может, не сразу, но меняю. Она видит процесс, который ради нее запущен. Мне бы, честно скажу, лестно было бы, если бы я увидел, что женщина ради меня как-то меняется. А вот если нет? Если тебя всеми силами пытаются в свою веру обратить, а сами ни миллиметра пространства не уступают? Тогда как?

— Не знаю, что там в идеальных семьях бывает. Мне трудно судить, — сказал Семен. — Но вообще говоря, пара — это больше чем две единицы. Пара — это пара. Новый организм. Не зря говорят, что «муж и жена — одна сатана». Заметьте, не две сатаны, а одна. Я видел людей с общими, так сказать, интересами. Причем с любимыми. Могут вместе в огороде копать. Могут в театр ходить или на выставки. Могут рыбу ловить или по заграницам ездить. Но главное — вместе. У них что-то такое появляется, что они только вдвоем поддержать могут. Самое простое и обычное — дети. Не зря же говорят, что дети семью укрепляют. Смотришь на таких людей и понимаешь, что они на самом деле счастливы и что друг без друга не могут. Думаю, у них ни о каком делении пространства и речи не возникает.

— Вот! — Василий энергично кивнул. — В самую точку. Но понимаешь, бывает, что общие интересы правда, а бывает, что имитация. И тогда все плохо.

— Как это — имитация?

— А вот так. Представь себе, что идешь ты с женщиной в тот же самый театр. Зачем?

— Ну, как это зачем? Пьесу посмотреть. Оперу послушать.

— Ага. Это ты. А женщина приходит, чтобы новое платье прогулять. Чтобы в среде культурных людей покрутиться и с умным лицом между ними в фойе потолкаться. Может быть, даже и знакомых встретить. Чтобы оценить, как нынче интеллигенция одевается и какие украшения носит. И когда вы с ней из театра выходите, она ни одного слова про пьесу тебе сроду не скажет. Зато в каких туфлях была соседка, опишет досконально и во всех подробностях. И фирму назовет, и примерную стоимость. А завтра всем-всем-всем, до кого дотянется, расскажет, что была в театре и видела новую пьесу модного режиссера. Вот как тут? Нравится?

— Засада, — Семен засмеялся. — Да, это, пожалуй, может слегка напрячь. Я как-то с одной женщиной разговорился случайно по поводу интересной картины. Даже не картины — фрески Диего Риверы. Была у него такая работа, которую ему Рокфеллер сперва заказал, а потом уничтожил, и теперь в Мексике только копия авторская сохранилась. Сложная работа. Неоднозначная. Мне даже кажется, что наш Илья Глазунов именно после нее свои большие полотна «Мистерию XX века» и «Вечную Россию» наштамповал. И вот смотрим мы с собеседницей на эту громаду многофигурную, и она мне вдруг на голубом глазу выдает: «То, что нарисовано на этой фреске, совсем не похоже на то, что возможно увидеть в жизни. Не бывает такого. Но автор что-то хотел сказать. Теперь его не спросишь, зачем же мучить себя?» Я отвечаю: «А разве не хочется попробовать догадаться?» И мадам выдает следующий перл: «Я не трачу время на толкование непонятного. Автор умер — значит, и спросить некого. И думать незачем». Помнится, я даже сперва не нашелся, как себя вести: выглядит женщина вроде вполне прилично. А рассуждения — любая торговка с вещевого рынка отдыхает.

— Вот! О том и говорю, — обрадовался Василий. — Стало быть, понимаешь! И, в общем-то, тоже ведь мелочь. Но если разобраться, то же самое вранье, только уже в другой форме. Человек мимикрирует. Прикидывается. Рядится в то платье, что ему не по мерке и, главное, никогда по мерке не будет. И раздражает это смертельно. А главное, совершенно помимо желания приходит к тебе осознание того, что такой человек может вообще тотально врать. По любому поводу. И в том числе по поводу отношений с близкими.

— Не перебарщиваешь? — спросил Павел. — Серьезное обобщение. А вдруг незаслуженное? Мочь — не значит делать.

— Значит-значит, — решительно ответил Василий. — А главное, все это в конце концов полностью подтвердилось.

— Каким же образом?

— Наша с ней жизнь начала мало-помалу распадаться. Знаете, как бывает: моя компания ей никогда не была интересна, так как мы все больше о своей работе с коллега-

ми говорим или что-то такое обсуждаем из политики, из философии. Кроме того, программисты вообще люди особенные: мы вроде поэтов или художников. Всегда в теме. Отрешиться и переключиться не больно-то получается. В голове коды крутятся, оптимальные решения всплывают. Ну и времени свободного для встреч мало: если сядем за стол, то раз в месяц. Порой чаще, но чаще — реже. А в ее компаниях у меня зубы от скуки через полчаса ломить начинало. Так и пошло постепенно: она к своим друзьям, а я к своим. Приезжаем — и настроение у нас разное. Я вроде как доволен: интересно потрепались, отдохнули, выпили, закусили. Она в раздражении: подруги дуры, знакомые совки, родственники — серость. Спрашиваю: «Чего ж тебе надо? Какой компании? Ну, общайся с моими знакомыми, там среда как-никак не ординарная». А она в ответ: «Нет. Мне ваши работодатели интересны! Вот где жизнь!»

Я ей несколько раз напоминал, что в большом бизнесе люди со стороны — даже в виде украшения вечеринок — не задерживаются. Их просто не замечают. А если и замечают, то быстро забывают. Бизнесмены — это тоже среда специфическая, и тоже чужим среди них неуютно. Либо ты с ними сотрудничаешь, либо ты — аксессуар, и звать тебя никак. Но она не верила: она ж красавица! Да еще и умница! Дома порядок, мебель антикварная, посуда. Одевается круто. У мужа крутые знакомые. И все это — вы ж понимаете — вроде как ее собственные достижения. Которыми остальным восхищаться положено. И хорошо, если немного завидовать. Директрису своей конторы она все подначивала: та к руководящему положению из низов поднималась, и моя ей регулярно шпильки вставляла. В основном по поводу нарядов. Да только не заметила, что директриса-то среди равных постепенно пообтесалась: и выглядеть стала элегантно, и манеры приобрела. А моя кем была — пустышкой — тем и осталась. Тут ведь как в старом анекдоте про алкаша в автобусе, помните? Ему тетка говорит: «Вы пьяны!» А он ей: «А у тебя ноги кривые! Я протрезвею, а у тебя они так кривыми и останутся». И хотя на работе она на хорошем счету была, но и там ее недолго любили. Может, оттого, что она в любом скандале всегда исподтишка участвовала. То одной про другую что-нибудь шепнет, то второй про первую. И хлебом ее было не корми — дай увидеть, как интрига в склоку превращалась.

Постепенно все у нас стало так, как принято рассказывать любовницам: «Живем, мол, с женой, как соседи». И знаете, что первым делом у меня умерло? Не любовь, нет. Уважение. Я бы спокойно отнесся к человеку, который честно свою линию гнет — да и мало ли таких рядом? Знаем ведь мы и хамов, и стяжателей, и воров — но они и живут так, как мыслят. Поглядите на какого-нибудь губернатора или крутого коммерсанта из нуворишей: попугаи. Глаза бегают, слова путаются, через слово пауза на месте бывших связок, обмундирование по первой строчке европейского ценника. Короче говоря, та же карикатура, что и бывший «браток» в красном пиджаке. Только с поправкой на нынешние критерии. И все же есть в этом некая природность. Как на картинах у Маковского: почти карикатурное совпадение образа с внутренним миром. А тут... Ну как вам объяснить... Больно велика дистанция между тем, что на публику, и тем, что на самом деле. Послушать, так человек всегда за правду и справедливость. А на деле — мелкая пакостница и очень недобрая тетка. Да еще и в овечьей шкурке от какого-нибудь Гуччи. Химические взбитые сливки на вполне натуральной тухлой котлете.

— И чем же дело кончилось? — спросил Александр.

— Да тем и кончилось. Скандалы у нас стали обязательным элементом повседневной программы. Я к друзьям зачастил. Что греха таить, и выпивал в это время нередко. Это для нее тут же стало еще одним поводом накалять обстановку. Аж с поводка рвалась, когда я лишнюю рюмку на грудь принимал. Для меня те моменты, когда она в отпуск уезжала, стали за счастье считаться. Уедет — мы пару-тройку дней с ребятами загуляем, а потом я просто один дома в спокойной обстановке оставался. Отдыхал.

Книжки читал, работал. И однажды подумал: а вот сейчас она вернется, и все начнется по новой. Опять крики, опять скандалы, опять говорить не о чем... Оно мне надо? Собрал вещи. Осмотрелся. Посидел на дорожку, себя проверяя — не захочется ли вернуться? И понял — не захочется. Вышел из дома, дверь запер да и закончил на этом.

— И как? — поинтересовался Семен.

— Да очень даже хорошо. Она потом еще и обращалась ко мне с просьбами ей по работе помогать — я и раньше ей много чего для карьеры делал. Ну и по привычке — от себя ж не уйдешь — гадости творила за спиной. Кому расскажешь, тут же ответят: «Обидел женщину! Бросил! Имеет право!» И пусть. Человек пять-шесть из близких моих друзей меня поняли. Ну а больше и не надо. Остальные потом тоже приняли ситуацию.

— И счастлив? — спросил Семен. — Не жалеешь?

— Ни разу не пожалел. Больно было с мечтой о хорошей семье, о дружном доме расставаться — это да. Но врать себе больнее. Неосуществима была та мечта. Как дверь за собой закрыл, так и все проблемы позади остались. И работать опять стало в удовольствие, и общаться начал только с людьми честными, и алкоголь изредка — только по хорошему поводу. Общение как в том тосте, что мы поднимали раньше: с «надежными». Либо уж друг, либо уж жулик. Но без вранья. Главное дело, мужики, если кому-то это все отрывками рассказать, скорее всего, резюмируют: с жиру бесился. Чего тебе, мол, надо было? Все это, мол, семечки и мелочи. Но — не мелочи это. Вовсе нет.

НОЧЬ ПРОВОДНИЦЫ

Вера сидела одна в своем маленьком служебном закутке. Дела были закончены, предстоял длинный перегон без остановок, и появилась возможность подремать. Сменщица ушла в соседний вагон, где у бригадира намечался маленький «корпоратив», и обещала в случае чего подстраховать. Звали и Веру, но ей не захотелось. Вспомнились симпатичные мужики из четвертого купе с их качественным спиртным и вкусной закуской.

— Не пойду, — сказала она в ответ на приглашение. — Намаялась. Полежу лучше.

— Ты не заболела, часом? — посочувствовала сменщица.

— Нет, просто спать хочу — падаю.

— Ну, тащить не стану. Коли передумаешь, заглядывай.

— Спасибо, подруга. Вряд ли.

Она прилегла на узкий вагонный диванчик, прикрыла глаза, но сон не шел. Мешали мысли. Думалось о доме в Подмоскovie, где после рейса ее встретит вечно поддавший муж, злая молчаливая дочь, забитая, потерявшая достоинство дворовая овчарка. Она представляла, как бросит в комнате подмосковного дома тяжеленную сумку с южными гостинцами, как переоденется в домашнее, оглядится и приметится за насущные дела: мытье, стирку, огород. Как перекинется парой пустых слов с дочерью-вековой, которая так и не вышла замуж в свои без малого тридцать пять. Как попрекнет мужа: «Лучше б ты канавы копал, пьянь подзаборная! И то б с тебя польза была!» И вспомнился ей вдруг давний разговор с одной пассажиркой, ехавшей в СВ, но почему-то такой же ночью вышедшей в тамбур и заговорившей с ней сперва о том о сем, а потом, как водится, о мужиках.

Разговор вышел интересный. Они тогда проболтали до утра. И Вера сравнила свою жизнь с жизнью этой тетки: успешной, неплохо зарабатывающей, но, по сути, еще более неприкаянной бабой.

— Я, Верочка, в банке служу, — рассказывала пассажирка, представившаяся, видимо по привычке, официально: Полевкина. — В большом, известном. И не в отделении ка-

ком-нибудь, а в центральном офисе. Заведую отделом. Зарабатываю прилично. Но вот с мужчинами мне просто ужас как не везет. Знаешь, и в толк не возьму, почему?

— А задумывалась? Какие версии? Что в голову приходит?

— Не знаю. Может, сглазил кто?

— И замуж не ходила?

— Нет.

— И мужика нет?

— Сейчас есть. Да только и тут не слава богу.

— Чем же?

— Он, понимаешь ли, поэт. Стихи пишет.

— Ничего себе «не повезло»! Тебе любая позавидует.

— С одной стороны, вроде да. А с другой... Ну, понимаешь, поэт — это мимо денег. Совсем. И главное, нет у него никакого желания зарабатывать. Он себе носки купить не может, не то что мне цветы или подарок какой. Говорю ему: «Устройся же куда-нибудь! Стыдно ж мужику в твоём возрасте!» А он и ухом не ведет. Ругалась с ним, общаться переставала, и хоть бы что. Сама же потом и звонила.

— Ой, Полевкина! Да сдались тебе его заработки? Ты ж, поди, троих таких прокормить можешь?

— Могу. Но неправильно это. Мужчина должен женщину кормить по идее. Холить. Лелеять. Баловать. А я ему и шмотки покупаю, и по заграницам таскаю, и продуктами обеспечиваю.

— А он?

— Он все, понимаешь ли, «сюси-пуси». Дескать, «лапочка моя!» «Умничка!» «Золотко!» Я, поверишь, с его подачи тоже стишки писать попробовала, так он их собрал и книжку издал — за мой, правда, счет. Теперь общим друзьям дарим.

— Вот это да! А ты жалуешься!

— Со стороны, конечно, круто. А изнутри, если разобраться... Вряд ли кто эту книжку хоть наполовину прочел. Я ж не литератор. Я из банка. Зато когда ему пенсию получать срок подошел, вот тут я ему класс-то показала! Все бумажки, как заправский редактор рукопись для печати готовит, подобрала и подшила. Любая издательская команда позавидует. И главное, результат налицо! Деньги каплют. Пусть небольшие, но зато верные, реальные. А от него самого ну какая, скажи ты мне, может быть польза? Только на тусовки творческие меня водит.

— А все ж не одна...

— Не одна, это правда. Сколько уж раз ему и наедине, и при людях его же друзей в пример ставила, как они умеют жить, так он и ухом не ведет. Другой бы хоть обиделся, а моему все с гуся вода. Так что до сих пор никак не решу, что лучше: одной или с ним.

— Видать, с ним, коли не расстанешься. Он пьет?

— Нет. В компании, и то мало. Здоровье не позволяет.

— Ну, видишь! Я, например, никак не дождусь, когда моему здоровью позволить перестанет. А тебе, гляди-ка, все счастье разом. Чего ж тебе еще-то, Полевкина?

— Да вот думаю иногда... А если бы рядом вдруг возникла другая? Помоложе, пофигуристее. Но тоже с достатком. Он бы со мной остался или к ней переметнулся?

— Думаешь, переметнулся бы? А вы сколько уже вместе?

— Теперь уж, почитай, лет десять.

— А он сам-то поэт хороший? Книжки печатает? Пишет? Знают его?

— Может, и хороший. Не знаю. У меня с этим не очень. Другие вроде хвалят. Но они тоже какие-то... В общем — одна компания.

— Ну и не парься! Куда он от тебя? Сама посуди: ты его зачем завела?

— Да осточертело все. Банковские мои тетки в отделе — ни о чем не поговоришь. Одну и ту же жвачку мусолят. Всегда подругам завидовала, которые другой жизнью живут. Есть у меня одна бывшая одноклассница — тоже поэтесса. Она нас с ним, кстати, и познакомила. Вот у нее все шикарно в судьбе: и тусовка, и мужики один другого сменяют, и стихи. Тоже, конечно, с деньгами не фонтан. Но все-таки! Она хоть девка оборотистая: при кооперации, когда это дело модно было, в «сексе по телефону» подрабатывала. В общем, с фантазией человек. Мне, на нее глядя, и захотелось какого-никакого разнообразия. Отдушины.

— Вот! Тут и разница. Тебе отдушина нужна. Свежий воздух. А у тех, что помоложе и пофигуристее, да еще и с деньгами — у них запросы другие. Им пока романтику подавай. Они еще духоту не ощутили — все впереди. А ты свою романтику своим трудом заработала. Ты надежная. Он-то тоже, чай, понимает, что тебе никого другого не светит. Ну и ему. Вот и сошлись. Ты банкирша, он поэт — а интересы-то все равно общие.

— Как-то слишком уж утилитарно...

— Чего?

— Ну, обыденно, что ли, Вера! Вроде как в магазин сходила, мужика принесла.

— Милая ты моя женщина, а ты чего хотела-то? Ты ж не в темном лесу с братцем-козликом заблудилась в юности, не у злой мачехи фасоль перебирала при отце-дровосеке. В лесу могут и волки загрызть, необязательно добрый молодец встретится. И Золушке повезло — плохие у них в королевстве обувные магазины были. Всего две счастливицы и нашлось таких — а мечтают-то сколько! Я думаю иногда, а откуда Баба Яга в сказках при каждой лесной глухомани бралась? И кажется мне, что это те старухи, у кого братья так козлами и остались, добры молодцы с дороги сбились, а мачехи на балах родных дочек за принцев пристроили. Похоже, правда? А ты без сказок обошлась. Выбрала свою дорогу — верную да прямую. Без изгибов, без чудес. Зато сама за себя решаешь: цену и качество сравниваешь. Бирку смотришь. Примерить можешь.

— Да уж, примерка была. И продолжается, — пассажирка засмеялась. — Мы ведь с ним уже пару пудов соли вместе съели, а не женаты.

— Ну вот. А скажи, если бы тебе сейчас кто-то помоложе да пофигуристее попался? Если б зарабатывал? Ты бы своего бросила?

Собеседница глубоко задумалась.

— А знаешь, нет, наверное, — ответила она наконец. — Не готова я уже во все тяжкие пускаться, экспериментировать. Усомнилась бы. Зачем это я молодому-фигуристу-му сдалась? Не иначе, подвох какой.

— Ага. И он так же, уж поверь. Каждый себе по мерке отмеряет. Это в молодости кажется, что весь мир твой. А когда присмотришься: нет. Только то, до чего дотянуться можешь. Кто мозгами дотягивается, кто в кровати ударница, кто талантами, кто любовью. Ну а ты вот деньгами да основательностью своей. И чем это плохо?

— Как оно там в мультике? «Маловато будет»?

Вера рассмеялась.

— Так в мультике все досконально показано. Много хочешь — мало получишь. Корыто разбитое, как в сказке, — этого ни одна золотая рыбка не отнимет, даже коли обидится. Вот и держись за корыто. Владычицей морской или даже дворянкой столовой сделаться не выйдет. Зато в куклы дольше других поиграешь. Пупса одевать-раздевать, жизни учить, кашкой кормить — чем не радость. Детство до старости!

Они тогда еще долго рассуждали обо всем, но главное уже было сказано.

— Надо же, ей советовала, а сама размечталась, — горько ухмыльнулась проводница. — Мужики понравились. Себя рядом с ними представила. А что б я делала, если б даже и подвернулась возможность? Куда я со своим коромыслом вечным? Это ж все тогда бросать надо, а чем заменять? Из мужика сосать? А надолго его хватит? И что взамен ему дать? Допустим, сдуру и влюбился бы в меня один такой — и насколько б

той любви хватило? На год? На месяц? А потом? Они, поди, начитанные, мир повидали. А я только с грядок урожая снимала да с пассажиров за передачи мзду брала. Вот уж тема для бесед. Нет, ушло мое времечко. Даже коли и влюблюсь или в меня кто влюбится — прыгать не стану. Разве что огородник какой попадется.

Грусть отступила. Вера рассмеялась, представив себя в подвенечном платье с золочеными граблями на огромном приусадебном участке. Изобилие ботвы на грядках, корзины с урожаем, пара огромных белых алабаев в виде свидетелей торжества. И рядом новобрачный в новом черном фартуке с «бабочкой». А на заборе журналисты с фото и телекамерами; один самый бойкий спрашивает: «Как вам удалось?! Вы счастливы?» И молодожены в один голос отвечают: «Неизвестно как! Но счастливы! И будем — до конца дней своих». А на крыльце дочь грызет свежий маникюр и думает: «Ну, мамка! Ну, сволочь! Подкатило ей все-таки!» А на заднем дворе бывший муж ладит петлю к ветке осины. Добухался! Какую женщину потерял! Праздник!

Поезд мерно и мягко постукивал колесами на стыках. Вера начала задремывать. Во сне картина феерического свадебного торжества расширилась — она вдруг увидела всю страну, все Землю, поделенную на участки, где добрые усталые женщины со своими благоверными предаются тотальному семейному счастью. А на вселенской помойке хлещут с горя водку отверженные и никчемушные мужики, бывшие завистливые подруги, а с ними за компанию и не оправдавшие надежд дети. Там дождь, там холодно, там дымят костры и раздаются оттуда печальные песни под гитару и гармошку. И нет-нет да и хочется уйти туда со своего огорода и посидеть вместе с этими никчемушниками, у которых, может быть, еще все впереди. А может, и нет. Но нет и светлой, раз и навсегда отмеренной определенности, огороженной забором и охраняемой цепными псами.

— И чего ж мы хотим? — вздохнула Вера, засыпая. — Сами не знаем. А все плачемся...

НЕХМУРОЕ УТРО

Согласно известной поговорке, «сон пьяниц краток и тревожен». Однако в четвертом купе спали хотя и недолго, но крепко — сказались дорожная расслабуха, отсутствие шумных соседей, приятный разговор и качественные напитки. Кроме того, даже через стенку никто ночью не храпел, а купейные посиделки во всем вагоне прошли на удивление интеллигентно и без эксцессов. Привычка рано вставать для попутчиков тоже оказалась общей и полезной: они успели умыться и оправиться до того, как в застеленном матерчатой дорожкой коридоре выстроились первые очереди жаждущих попасть в тесные туалеты. Стоило чуть упустить момент, и вот уже транспортные красотки с расческами и косметичками выползают из приоткрывающихся дверей, отворачивая бледные утренние физиономии от мужских взглядов. Каждая проводит в грохочущей тесноте и качке туалетной кабинки не меньше пяти минут, мастерски нанося тени на веки, помаду на губы и тушь на ресницы. Как они умудряются при этом не выбить себе глаза и зубы — загадка. Но наконец щелкает замок, и глазам интересующихся является «сделанное» наспех лицо, пригодное для дальнейшего использования. Отдельные недостатки прощаются: как-никак дорога.

Заглянула выспавшаяся и посвежевшая Верочка.

— Кофе? — спросила она. — Будете?

— Нам бы кипяточку, — попросил Александр. — У меня тут есть... — С этими словами он покопался в сумке и извлек оттуда наполовину заполненную банку «Carte Noire». — Не могу, знаете ли, вагонный кофе пить, — извиняющимся голосом обратился он к попутчикам. — Сколько раз уже бывало. Знаю, что в поездах бурду продают, но

ведь когда выбора нет, все равно беру. И каждый раз себя за это ругаю. Так что стараюсь в дорожку запастись. И ведь хороший же напиток кофе. Как они умудряются его так испакостить? Это надо себе специально такую задачу поставить. Зачем бы только?

— Как говорила моя прабабушка, «все для извода рода человеческого придумано», — крикнул Павел. — Не усложняйте, Саша. Я вам как экономист отвечу. В любом производстве есть основной продукт, а есть побочный. И отходы. Для того чтобы вашу «Черную карту» произвести надо размер гранул контролировать, процессы всякие сложные проводить. А крупинки при этом трутся друг об дружку, и летает по стерильному цеху пахучая кофейная пыль. Работники кашляют и болеют, механизмы засоряются. И тогда приходит умелец и рационализатор, который говорит: «А давайте мы эту пыль в дело пустим?» Хозяин производства, которому, вообще-то, наплевать на здоровье своего персонала, тут реагирует правильно — ибо чует выгоду. Закупает пакетики, договаривается с железной дорогой, и вот вам уже несут так называемый кофе, состоящий из той самой кофейной пыли вперемешку с пылью того самого цеха. Если там было по-европейски чисто, то запах продукта более аутентичен. Если по отечественным нормативам, то и вкус, и запах таковы, как будто вы пол этого цеха языком вылизываете. Но в любом случае — дрянь, конечно. Однако тот, кто это впервые придумал, давно уже миллиардер.

— Ну так не будем его дополнительно обогащать, — Семен принял от вернувшейся Верочки стаканы с кипятком. — Давайте ваш «Carte Noire», Саша. А вам, Вера, за сахар отдельное наше гран-мерси! Мы и забыли сказать. А вы с настоящей женской предусмотрительностью о нас, грешных, позаботились!..

— Кстати, мы вот все о женщинах да о женщинах, — сказал минуту спустя Василий, отхлебывая ароматный напиток. — А между прочим, средний класс у мужиков ничуть не лучше. Рационализаторы, блин! Этот самый кофе из пакетиков — как раз продукт их жизнедеятельности. Яркая этикетка, относительно правильный запах, а на самом деле — наглая халтура. И во всем так. Куда ни ткни. Как только не совестно?

— Эх вы о каких категориях заговорили! — пожал плечами Александр. — Скажете тоже. Совесть. Чтобы женщинам не обидно было, я вам одну историю про мужика расскажу. Очень даже о среднем классе. Сами увидите.

— О! Правильно! — поддержали его. — Все по законам жанра. В «Гептамероне» тоже отвлекались. День о чести и совести, а день об изменах и жуликах. Настала пора и нам осветить, так сказать, другие горизонты. Своему брату мужику кости перемыть. Давайте, Саша, начинайте! Выдайте по бездорожью разгильдяйством!

— В славные девяностые годы прошлого века большинство деловых переговоров велось, как вы, конечно, помните, в кабаках, — повел рассказ спортсмен. — У братков еще сауны в почете были, ну а бизнесмены поприличнее рестораны предпочитали. Чем круче бизнес, тем дороже стол. Мы и сами любили захаивать то в «Метрополь», то в «Пекин».

Однажды я обратил внимание на парня, который часто оказывался в нашей компании, но ничем особенным не выделялся. Если и кидал какие-то реплики, то вполне нейтральные. А больше насчет «передайте соль, пожалуйста» присутствовал. Он такой не один был, но нечто в нем все-таки показалось мне необычным, и я стал приглядываться.

Ресторан «Пекин» того времени представлял собой не столько «точку общепита», сколько площадку для бизнеса. Половину зала занимали деловито совмещавшие акулий суп с подписанием контрактов предприниматели, а вторая половина была плотно оккупирована девушками легкого поведения. Они садились за столик, заказывали одну бутылку шампанского на пятерых и ждали того момента, когда деловые люди закончат свои переговоры и захотят слегка передохнуть в предвкушении барышей. Официанты наметанными глазами засекали этот момент и, словно невзначай, предлагали рас-

слабляющим узлы галстуков мужчинам: «Не желаете с девушками познакомиться? А то здесь одна компания скучает. Давно на вас внимание обратили!» Особенно отличались такими предложениями два гарсона: Колобок и Штирлиц. Почему их так называли, история умалчивает, но Колобок был на самом деле похож на свой сказочный прототип: маленький, толстый и шустрый, он покатывался даже к тем столам, которые не обслуживал, и нашептывал нечто скабрёзно-заманчивое. В отличие от него, Штирлиц был уже стар, морщинист и вечно пьян. Чем-то он напоминал не столько одряхлевшего Максима Максимовича Исаева, сколько конферансье из образцового «Необыкновенного концерта». Тот же тип, те же стиль и повадка. Однако дело свое знал туго и был более прагматичен и конкретен, чем Колобок. Он четко говорил, почему и какая девушка из ресторанного ассортимента обойдется за ночь. А потом, если цена предполагаемого клиента устраивала, величественно шел через весь зал передавать согласие. Старшей среди пекинских бабочек была впечатляющих размеров «мамочка» по кличке Таня-Мерседес с девятым размером бюста. Она кивала Штирлицу, и спустя несколько секунд по ее команде отобранная представительница интимного сервиса уже направлялась к заказчику.

Весь этот спектакль повторялся каждый вечер без изменений. И молодой человек, о котором я рассказываю — его звали Дима Утопский, — всякий раз картинно морщился, когда очередная договорившаяся пара покидала ресторан в обнимку. А если девицы подсаживались к нам всей группой, он старался пересесть в самый дальний конец стола, чтобы никак ни с одной из них не контактировать. Кроме того, отличался Дима и умеренностью в употреблении алкоголя. Мог запросто просидеть весь вечер с единственной рюмкой какого-нибудь модного тогда «Амаретто Саронно», не претендуя на большее. Однажды я спросил его: «А что так по-монашески, Утопский? Неужели ни одна мордашка не нравится? Или коньяк недостаточно марочный?» На что Дима ответил мне развернуто и очень подробно.

— Я вас вообще не понимаю, — изрек он. — Как вы можете? Это же проститутки! А за столом в основном сидят женатые люди! Это же неуважение к собственной семье, разве не понятно? Я вот свою супругу боготворю. И как мне домой прийти мало того, что пьяным, да еще и пахнущим какими-то чужими духами? Куда я глаза девать буду? Как с детьми своими стану после этого разговаривать?!

Честно говоря, я слегка оторопел. Если бы тот же Дима сказал мне нечто простое типа «не мое это, старик», я бы понял. И даже зауважал бы. Но когда некие высокие принципы произносятся в столь высокопарном стиле, меня это, простите, настораживает. А потому я сотворил на лице понимание и ответил одной только полушутливой репликой: «Вы бы одно только в расчет приняли: разврат и пьянка заразны. Имеет смысл хоть прививку сделать. Чтобы случайно серьезную инфекцию не подцепить».

На эту мою фразу Дима ответил таким взглядом, каким смотрит примеряющий нимб святости человек на окончательно опустившегося безнадежного грешника. В его глазах я стал явно конченным отбросом. Пожевав креветку, он сплюнул кусочки панциря на тарелку, утерся салфеткой и до дальнейшей беседы не снизошел.

Однако Бог шельму метит. Прошло совсем немного времени, и Дима в наших компаниях бывать перестал. Однажды я спросил о нем у общего знакомого, и тот поведал мне страшное: Утопский влип по самые уши. Его бизнес был как раз правильным для среднего класса: Дима содержал препресс-бюро. Это такая контора, которая сама ничего не издает, но зато готовит чужие печатные издания для типографий. Некое производственное посредничество. Вполне, кстати, рентабельное. Но взяв на работу новую наборщицу, на всем своем предпринимательстве Дмитрий поставил жирный нестираемый крест. Ибо сорвался налево.

Девушка по имени Татьяна, ставшая его избранницей, особыми статьями не отличалась. Но шефа своего раскусила мгновенно и так сумела втереться к нему в душу и те-

ло, что Утопский поплыл. Где оказались все его прежние принципы? Бизнесмен начал кутить с ней по дорожущим кабакам, осыпать любовницу подарками в лучших тогдашних бутиках и даже приобрел своей милой Танечке подержанный, но вполне достойно выглядящий «форд» бордового цвета — по тем, опять же, временам, весьма престижный презент. И все бы ничего, но только Дима, как это бывает с теми, кто впервые пускается на сладкую дорогу порока, моментально «забыл края» и вышел за пределы собственной кредитоспособности. Накопления довольно быстро иссякли. Он принялся занимать, но заемные кончились еще быстрее. Пришла пора расплат. Как это всегда бывает, вполне удовлетворенная компенсацией за оказанные услуги, Татьяна сделала своему шефу ручкой и, сославшись на неотложные дела в Париже, затерялась на просторах родной Мордовии. Дима кинулся спасать ситуацию. Число людей, которых он «перекидал» в единицу времени, стало для девяностых своеобразным рекордом. Сумма зашкалила за миллион долларов. Постепенно количество обиженных кредиторов перешло в критическую массу, и к процессу подключились «альтернативные структуры». В результате, отдав бандитам всю собственность, включая офис, оборудование, машину и московскую квартиру на «Соколе» — в том доме, где размещалось когда-то кафе «Континент», — Дима отбыл вечерней лошастью в провинцию заниматься резьбой «татьянка» — видимо, в память о прелестной подруге. Семью он прихватил с собой, вновь вернувшись к исконным ценностям. Вслед ему несли отборный мат обманутых им партнеров, но, как говорили наши предки, «брань на вороту не виснет». По тем временам могло быть и хуже, могли и пули отправиться вдогонку, а от них убежать мало кому удавалось.

Помню, я тогда пожалел его. Бывает. Хотя в полной мере ощутить жалость мешало воспоминание о той тираде, которой он когда-то осудил и меня, и прочих сотрапезников за общим столом. Но — дело прошлое. «Умнее будет», — подумал я.

Прошло лет десять-пятнадцать. И вдруг совершенно неожиданно мы столкнулись с Димой на благотворительном вечере, который устраивал известный в Москве фонд для заслуженных спортсменов. Оказалось, что Утопский был внуком легендарной советской конькобежки, многократной чемпионки мира. Вместе с бабушкой он и прибыл на торжество получать ее грант: деньги и автомобиль «Жигули», выделенный спонсорами. В перерыве, когда часть гостей вышла из зала в фойе покурить, мы столкнулись у одного из стоячих столиков. Дима беседовал с молодой работницей щедрого фонда, но когда я оказался рядом, она уже уходила.

— Хороша девушка? — спросил я, глядя вслед стройной длинноногой благотворительной блондинке.

— Не знаю, — ответил не узнавший меня Дима. — Я вообще не понимаю тех, кто на каждую женщину смотрит с вожделием. У меня семья. Как я потом домой приду и какими глазами стану на своих детей глядеть, если...

— Знаете, Утопский, — сказал я, смеясь, — Мне кажется, я от вас нечто подобное уже когда-то слышал. Честно слово, надеялся, что вы поумнели. Вроде и прививка уже была. Неужели не хватило?

— Я на минутку! — Дима исчез так, словно был чертом, которого окропили святой водой. Его заслуженная бабушка, скорее всего, так и не поняла, почему внук не дал ей доесть благотворительную клубнику с мороженым. Войдя в зал, я и ее не увидел. Скорее всего, Утопский просто не вспомнил, должен ли он и мне чего-нибудь, и наверняка ожидал крупных неприятностей. А меня поразило, что тон его ответа совпал с тем, что я слышал когда-то от него же в «Пекине» буквально один в один. Нота в ноту. И подумалось мне, что в среднем классе у мужиков совесть отбрасывается и регенерирует на манер ящерицыного хвоста. Только намного быстрее. Сунешь мордой в лужу, а он через минуту опять весь в белом. Как им это удается? Ума не приложу!

— Уходящая реальность, — сказал Василий, допивая кофе.

- Почему?
- Да потому, что этому вашему Утопскому было, скорее всего, на тот момент лет под сорок, правильно?
- В точку. А как вы догадались?
- Ценности сменились. Нынешний средний класс своим классовым пуританством уже не кичится. Родившиеся в семидесятых стали другими. Теперь это племя плебеев, у которых в моде быть всезнайками. Правда, и они раз за разом со своим апломбом в луже оказываются, но и у них та же видовая регенерация работает. Только воссоздается не совесть, которая изначально атрофирована, а гонор. Меня, сказать откровенно, от них уже просто тошнит. Особенно от их тупой априорной уверенности в собственной правоте. Смотрит на тебя такой «середняк», выбившийся на кочку, и излагает взгляды, допустим, на психологию. Понимаете, на психологию! Про которую узнал по справочнику и из Википедии. Модная наука! Как вариант — на культуру и искусство. Свое положение в обществе занял благодаря успешному бизнесу по продаже ржаных сухариков или женских прокладок. А потом получил где-то в шарашкиной академии «доктора философии» и сам в себя уверовал. И я теряюсь: то ли он издевается и нарочно всякую чушь несет, чтобы дать мне понять мою от него зависимость, то ли и в самом деле верит в то, о чем говорит. В первом случае гнать надо в шею, а во втором лечить. Но только ни одно из этих действий желаемого результата не дает. Выгнанное существо уходит в тот ареал, где аналогичные особи обитают, и там запросто обретает новую уверенность. Ибо оно там единственное с психологией. И его там за это уважают. Рядом другие шевелят лапками: кто с общественными науками, кто с политикой, кто с религией. И он их тоже уважает — по бартеру. И все они, как говорил Райкин, «уважаемые люди». Только над торгашами мы смеялись когда-то. А над этими и смеяться-то не весело. Чернуха. Вы вот про халтурщиков среди андеграунда рассказывали, так этот граунд поверху ошивается, а все остальные составляющие те же самые.
- Все дело в том, что в среднем классе своя круговая порука есть, — заметил Александр. — Теперь уж практически и своя религия.
- Имеешь в виду что-то вроде «кукушки и петуха»? — спросил Павел.
- Не совсем. Это, конечно, тоже присутствует, но больше в виде надстройки. Типа правил торговли. А есть ведь и мораль. То, на чем все их общество держится. Заповеди.
- Например? — заинтересовался Семен. — Какие?
- Да пожалуйста. Первая и главная из них «Не высовывайся». Будь как все. И это не техника безопасности, вот в чем клюква! Это уже заповедь. Нарушать которую — смертный грех. Соответственно и карается. Вплоть до высшей меры.
- А еще?
- «Не люби и не почитай». Не люби ни ближнего своего, ни мать с отцом, ни жену, ни детей. Ибо это ведет к жертвенности, а в жертву себя приносить и куски у себя со стола терять для ихнего бога не угодно.
- Пожалуй.
- Могу продолжить. «Желай достижимого». Хочешь жену ближнего — бери. Но только если ближний слабее или зазевался, а жена не зовет на помощь. Хочешь осла его или имущества? Тащи, коли безопасно.
- Класс! — Семен захлопал в ладоши. — Давай дальше!
- «Подражай». Выбирай себе образец и делай с него жизнь. Копируй манеры сильного, копируй его речь, повадки, привычки, слабости.
- Принято!
- «Свидетельствуй в свою пользу». Если ложь принесет выгоды, не стесняйся. Надо выгородить преступника, который потом с тобой поделится, выгораживай. В содеянном грехе не сознавайся, пока не припрут.

— И это есть. В полный рост!

— А то ж. «Работай, чтобы верили, что ты работаешь». Приходи на службу, просиживай штаны, пой под фанеру, перекладывай бумажки. Изображай труженика. А на самом деле экономя силы для себя, любимого. Жизнь один раз дается, так удлини ее! Не расходуй попусту на чужие нужды. Запомни, на имитацию требуется меньше трудов, чем на реальное дело.

— Опять в точку. — Семен явно получал большое удовольствие, да и Павел с Василием улыбались. — С этого нам начинать надо было. Тогда бы все сразу по полочкам разложили.

— Ну, это никогда не поздно. Буду рад, коли пригодится, — улыбнулся в ответ Александр. — Но потерпите, еще три осталось.

— Валяй!

— «Не верь!» Никогда и никому. Ни во что и ни при каких обстоятельствах. Только то истинно, что можешь пощупать, и только то хорошо, что тебе на пользу. Нет на свете богов, и нет иных заповедей, кроме этих. А эти истинны, так как проверены и приносят тебе пользу.

«Не стесняйся убить». Не останавливайся перед насилием, если видишь от него реальную пользу. Не комплексуй. Главное, не подставляйся сам, но всегда ищи, в чем подставились другие. Найдя, пользуйся. Бей наверняка, чтобы не ответили.

И наконец, «Тот день свят, в который ты стал успешнее». Сам себе назначай праздники и будни, посты и застолья. Будь независим от чужой морали и чужих традиций — они обедняют тебя, а следовательно, ошибочны. Принимай любое верование, которое ведет к победе. Отказывайся от любого, которое грозит поражением.

— Вот это да! — Павел был изумлен. — А ведь и вправду на религию тянет. И главное, адептов море. Только что вслух не произносят, а живут точно по этим канонам.

— Еще как, — подтвердил Василий. — Я тут об одном персонаже вспомнил, с которым мне пришлось когда-то по деловой необходимости пересечься. С виду весьма импозантный дядечка. Чем-то на Винокура похож. В строительном бизнесе сидит при обрусевших на время мусульманах. Сам-то русский, но с иноверцами давно уже сотрудничает. Мне его историю его же приятели пересказали.

Начинал он молодым инженером-кораблестроителем. Устроился на крупный военный завод, где генеральным был в то время легендарный советский конструктор. Такой же, как Туполев, или, скажем, Калашников. Тоже имя громкое — только в своей области. Однако нашему инженеру за кулман становиться не хотелось, и каким-то образом он сумел к шефу не только на глаза попасться, но и в доверие втереться. А как угнезвился, начал расти.

В конце концов поручили ему заведовать огромным бизнес-центром, который этот завод при себе построил. Там и отель был, и ресторан, и бассейн с «бегущей волной», и все, чего душа пожелает. Конечно, для понимающего человека, Клондайк. Главное, чтобы генеральный покровительствовал. Наш дядечка был не промах. Тайком, тишком, с комплиментами и поклонами на месте продержался долго. Отдыхать начал за границей. Квартиру себе в центре Питера купил в хорошем доме. Отделал, обставил. Сына от армии отмазал. Напоследок даже в Эстонии на границе с Россией домик приобрел. Для визы постоянной. В общем, обустроился, любо-дорого.

Но есть у среднего класса одна проблема. Вечная. Тотальная. Они же слуги. А следовательно, всегда себя слегка униженными ощущают. Так и инженер этот — теперь уж руководитель бизнес-центра — все время чувствовал собственную второсортность. Как старший мажордом. Над другими-то лакеями он голова, а для барина — челядь. Как тут самолюбие потешить? И начал он, как тут говорилось, «подражать»: постепен-

но собственных подчиненных прогибать. То пошутит зло. То в положение дурацкое поставит у всех на виду. А те и рады соответствовать: «Шутите, мол, еще, дорогой начальник! Вельми вами довольны!»

Но однажды грянуло. Генеральный сделался стар — точнее говоря, одряхлел. В неплохой день вызывали его для разговора в Москву, и вернулся он оттуда уже не генеральным, а «почетным». Которому не большой кабинет и три референта с секретаршей полагаются, не персональная машина, а каморка под лестницей. Да и туда пропускают неохотно. Дескать, «кончилось ваше время». Вы же знаете, как у нас любят бывших на место ставить.

Одновременно и команду его сквозь мелкое сито пропустили. Новое руководство старые кадры не жаловало: у них своих лизоблюдов в очереди стояло — сотня. Правда, кое-какой переходный период еще продолжался. Присматривались. Но только делали это жестко, без дураков и всяких формальных собеседований.

Бывшего директора бизнес-центра направили на производство. В какой-то там инструментальный цех, где он отродясь не бывал. И нашел он себя однажды в каптерке с одним из бывших подчиненных и мастером из работяг перед шербатым граненым стаканом, куда ему от щедрот водочки плеснули: «Выпей, дескать, с пролетариатом! Небось забыл, как это делается?»

— И что?

— Да, ничего. Это ж на главное покусились — на имидж! Пусть из второстепенного, но начальника практически в работяги записали! Этого средний класс не прощает. В тот же день он вчистую уволился. Полгода или больше болтался без дела, пока к мусульманам не прибился, которые в Питере отели возводят. Прежним порядком нашел там старшего и должность себе получил. Платят ему хорошо. Хотя средний класс и в Европе есть, да и традиции у них там куда более долгие. Так что под плинтус загонять умеют. А восточный менталитет так и вообще этим делом славится. Хорошо еще, феску носить не заставляют. Так что когда мы с этим человеком познакомились, выражение у него на лице было в основном кислое. Но самое главное: теперь в его бывшем бизнес-центре директорствует тот его подчиненный, над которым он прежде больше всех подшучивал. Такая вот ирония судьбы.

МОСКВА КУРСКАЯ

За окном вагона уже мелькали елки и березы средней полосы. Судя по пейзажу, поезд приближался к той зоне, куда достают московские электрички, и хотя городки, мимо которых со свистом проносился состав, еще не были дачными поселками, в них все же ощущалось нечто особенное — то, что отличает населенные пункты, находящиеся в относительной близости от столиц. Что это? Скорее всего, какое-то особенное отсутствие основательности в постройках и разметке улиц, некая смазанность контуров, которая бывает при фотосъемке движущегося объекта. Кажется, что в пространстве, на которое оказывает влияние мегаполис, все движется в сторону центра, мало заботясь о том, как выглядит земля, на которой остаются следы этого движения. Бугристые улицы, покосившиеся столбы, щелистые и неказистые дома, клочкастые поля и овраги, даже само небо, кажется, имеет наклон туда, где сконцентрирована энергия богатства, власти и благ цивилизации. Двести-двести пятьдесят километров — сейчас это примерно то расстояние, на котором заканчивается влияние столицы и начинается собственно провинция. Та самая богатая талантами и традициями среднерусская провинция, где родилась практически вся отечественная проза, поэзия, музыка и даже наука. Неторопливая и основательная. Независимая и независтливая. Подлинное хра-

нилище исконных ценностей и незыблемых устоев. Столетие назад эта граница проходила ближе: километрах в пятидесяти. Однако сперва революция, а затем и война ослабили прежние барьеры, а развитие транспорта и связи отодвинуло их еще далее.

Меняются от места проживания и люди. Коренные москвичи своей причастностью к столичной жизни не кичатся, воспринимая ее естественно. Ближайшая область москвичей не любит за то, что сама находится на отшибе, а потому заражена неким синдромом «второсортности» по отношению к столичным жителям. Как ни странно, более всего подверженных влиянию этого синдрома задевает то, что сами москвичи никакого снобизма по отношению к ним не испытывают. В обиженных и недобрых репликах подспудно звучит нечто вроде: «Как же так? А вот мы бы испытывали, доведись нам жить в этом городе. Значит, и вы должны». Что ж, многочисленные рассказы о высокомерии и грубости москвичей основаны чаще всего на опыте общения приезжих с теми, кто в столице поселился относительно недавно. С теми, кто еще тешит собственное самолюбие новым статусом аборигена мегаполиса, не понимая, насколько сложна в нем жизнь. С людьми, еще не нарадовавшимися близостью и разнообразием магазинов, наличием метро и регулярно ходящего транспорта, такси, покрытых плиткой тротуаров и ярких ночных фонарей. Чуть позже, когда эйфория слегка рассеивается, приходит осознание необходимости жить в сумасшедшем темпе, «крутиться», не толкаться в толпе и не застревать в дверях. Еще позже оказывается, что и расслабляться, и отдыхать в столице принято иначе, а значит, надо получить навык правильного использования музеев, выставок, театров и концертных залов. И тогда первое поколение вновь прибывших утрачивает гордую радость, а их дети начинают осваивать свое пространство по-настоящему. А внуки и правнуки становятся настоящими москвичами.

Труднее всего было воспринимать Москву питерцам. У их города слишком короткая и слишком бурная история, а статус «окна в Европу» и многочисленные европейские же архитектурные ассоциации сбивают население с толку уже триста лет. Кажется, что вся культура и весь бомонд должны именно там и гнездиться. Однако, к сожалению, Санкт-Петербург был задуман и построен великим российским самодержцем, отделившим церковь от государства как некий альтернативный «храм на понтах», а посему он привлекает не столько культурную элиту, сколько разночинцев-революционеров и всевозможный криминалитет — от официальных управителей до самых обычных «братков». Вероятно, XVIII век вообще был веком альтернатив: США, например, на семьдесят лет моложе нашей Северной Пальмиры, но проблемы за океаном те же. Коренные москвичи смотрят на невские граниты так, как смотрят пожилые дачники Малаховки или Старой Рублевки на громады пригородных замков, возведенных в период перестройки нуворишами: «Ух ты! Вот это да!» С поправкой на то, что дворцы эти давно сменили владельцев, а многие и разрушаются, так как скороспелые лендлорды прожили недолго, а для новых хозяев функциональность помпезных строений не очевидна.

Попав в руки пролетариата и сделавшись Ленинградом, Петербург тоже оказался не функционален. Но он выстоял в невзгодах, обрел неувядаемую военную славу и сумел превозмочь перестройку, что принесло ему новую надежду — теперь это уже не муляж европейской столицы, а настоящий город со своей историей. Соответственно, сменился и тон вечных споров его жителей с москвичами: нынешние питерцы куда более мирно и добрососедски настроены. Им нечему завидовать. Они больше не подделка. Они настоящие. Хотя, конечно, следы традиционного соперничества несостоявшейся столицы с Москвой видны и по сей день, но с каждым годом их форма становится, к счастью, все более юмористической.

В четвертом купе авторы нового «Полторамерона» заканчивали оказавшееся столь плодотворным застолье. Со стола было убрано, и подходила пора прощаться. Разговор, принявший приятные и доверительные формы, закончился. Некоторая неловкость

возникла между собеседниками: по логике жанра им следовало бы, наверное, обмениваться телефонами и договориться о каких-то дальнейших пересечениях, но именно этого делать не хотелось. Каждый понимал, что их общение — как и любая красивая история — должно завершаться точкой. Пожалуй, более всего на эту мысль навел последний рассказ Павла: за пределами случайного мужского братства, ограниченного стенами купе, у них едва ли могли найтись общие интересы, и никому не хотелось разочарований. Да и чудо совпадения оценок и пониманий разрушать не хотелось: оно было самодостаточно. Казалось, стоит попытаться удержать его, связать пусть даже самыми эфемерными узами, и улечутится главное — вера в то, что буквально в каждом вагоне каждого поезда в мире едут такие же мужики с таким же отношением к жизни и женщинам. А значит, их много! И значит, каждый из них не одинок.

Видимо, эта мысль сформулировалась у попутчиков одновременно, так как и заговорили они, закончив убирать со стола и застегивать сумки, практически в один голос и все сразу.

- Стремянную?
- По последней?
- Посошок?
- Ни капли пороха врагу?

Одновременно и рассмеялись, получив еще одно подтверждение точности общей настройки. В бутылках оставалось как раз на один тост.

— Надо бы что-то цветистое, — сказал Александр. — Как-никак с юга едем. Кто умеет говорить по-кавказски? Чтобы аж до Подольска хватило. Или даже до Бутова!

— Ну ты хватил, — хохотнул Павел. — Выдохнется!

— Ничего. Главное, чтобы настроение было правильное. Не наспех. Дабы с ним и на перрон выйти.

— Если господа позволят, я могу попытаться, — отозвался Семен. — Кое-какая практика общения с нашими многоречивыми соседями из ныне свободных государств у меня имеется. В прошлом приходилось часто в Тбилиси бывать. Сидел за их столами.

— Во! — обрадовался Александр. — Вася, ты как? Готов к длинному спичу?

— С удовольствием, — Василий поставил стакан на стол. — А чего нам торопиться?

— Тогда я приступаю. Я хочу, уважаемые и, к сожалению, так малознакомые, но, к счастью, так сильно полюбившиеся мне попутчики, предложить вам выпить этот последний в нашем застолье бокал за главный предмет нашего двухдневного обсуждения. За женщину. Но не просто за женщину — существо с двумя руками и, особенно, с двумя ногами. А за Женщину с большой буквы. За ее образ, который живет и меняется вместе с нами и никогда не оставляет нас, в отличие, увы, от тех, с кем порой сводит нас судьба на своих перекрестках и разводит, как только изменяется цвет светофора.

Как она выглядит, эта женщина? Как описать ее? Лучше меня это сделал бы поэт — он бы долго мучился и оставил потомкам длинную прекрасную поэму. Это мог бы сделать художник, который трудился бы годами и наконец представил людям на вдохновенном холсте ослепительное по красоте и обаянию лицо. Это мог бы сделать композитор, который сочинил бы такую прекрасную музыку, в которой каждый угадал бы нотки ее волшебного голоса и ритм ее божественной походки. Но я не поэт, не художник и не композитор. А потому я воспользуюсь теми словами, которые добрый Всевышний сумел-таки с трудом впихнуть в мою бесталанную голову. Простыми словами. Но я хотел бы, чтобы они коснулись ваших сердец и нашли в них пламенный отклик.

На заре нашей юности эта женщина искриста и свежа, как быстрая капля росы, скатывающаяся по освещенному солнцем листу в звонкий лесной ручей. Она мимолетна и всегда кажется нам — таким же молодым и быстрым — полуодетой, даже если

укутана в зимнюю шубку и горнолыжный комбинезон, застегнутый под самое горло. Мы видим ее пластику, восхищаемся мановением кисти ее тонкой руки, бежим по ее следам, исчезающим за углом ближайшего дома. Мы пишем ей стихи и поем песни, мы учимся танцевать, чтобы иметь возможность пригласить ее на тур вальса, мы варварски обрываем колючие розы на всех газонах города, чтобы подарить ей цветы и сделать ее день радостным.

Когда мы взрослеем, но чувствуем внутри разгоревшийся огонь возможностей, эта женщина является нам подругой и помощницей в наших амбициозных и фантастических планах. И главная ее роль в этот момент — вдохновлять нас, не дать остановиться на достигнутом и погрязнуть в мелочах. Она манит нас за горизонты, и мы покоряем пространства, чтобы догнать это потрясающее видение. Становятся прозрачными границы, самолеты подпрыгивают на старте, а корабли, на которые мы катастрофически опаздываем, милостиво спускают нам сходни, уже дав последний гудок перед отплытием. И когда темная вода начинает бурлить между ослепительно-белым бортом и пестрой от цветов и флагов пристанью, мы не боимся ни штормов, ни айсбергов, так как надеемся, что где-то по ту сторону океана нас ждет та, ради которой мы можем добиться любой цели. В этот момент мы совершаем открытия и создаем шедевры, мы управляем армиями и народами, мы покоряем вершины и открываем новые планеты. И каждая наша победа — лишь повод повидаться с той, ради которой она совершается. Повидаться и небрежно бросить к ее ногам все завоеванные лавры, количество которых превышает объемы ароматных приправ, когда-либо проданных умильно улыбающимися продавцами на восточных рынках придирчивым покупателям.

Когда мы становимся еще старше, эта женщина видится нам хозяйкой нашего дома и матерью наших детей. Ей, счастливой и заботливой, мы приносим добытое в мире, зная, что она сумеет этим рачительно распорядиться. Что дом наш будет чист и уютен, а дети радостны и благополучны под ее неусыпным вниманием. Мы идем с ней рука об руку всюду, куда нам позволяют купить билеты расценки авиакомпаний, железных дорог или городских трамваев. И вне зависимости от того, что открывается нам в наших странствиях: дорожки близлежащего парка или стены Лувра, нас переполняет счастье от того, что рядом идет прекрасная и любящая нас женщина — та, близость которой делает дворцом любую лачугу, а общность интересов заставляет восхищаться божественной гармонией мира. Мы не одеваем на глаза шоры, но любая другая женщина, попадающая в поле нашего зрения, лишь укрепляет в нас счастье от того, что та, которая рядом, — лучше и чище остальных. Мы не одеваем на нее паранджу (у нас это, в конце концов, не принято), но знаем, что и она считает своего мужчину лучшим среди всех остальных мужчин этой небольшой планеты, и в этой ее уверенности ее никогда и никто не поколеблет.

К старости, когда настает пора подводить итоги, эта женщина опять с нами, и теперь она олицетворяет нашу веру в то, что свою жизнь мы прожили не зря. Ее стараниями выросли и стали самостоятельными наши дети, любящие своих родителей. Ее трудами не забыты наши достижения и добрые дела. Если мы религиозны, то ее молитвы присоединяются к нашим, прося Всевышнего о счастье для наших детей, о мире для нашей страны и о покое для неспешного созерцания, мудрых мыслей и праведного бытия, когда накопленный опыт и натренированный слух позволяют расслышать в гаме и суете Главное Слово, ставшее когда-то началом всего сущего.

Только рядом с такой Женщиной мы осознаем, что никогда не покидали Эдема и человека за грехи его ангел не толкал к воротам и не грозил на прощание огненным мечом. Он лишь ограничил наше зрение тремя измерениями и разучил пользоваться временем. И находясь в Раю, мы перестали замечать Рай. Только соединив два мира — свой и Женщины, — мы в состоянии вновь обрести власть над минутами, часами

и веками, над пространством, над жизнью и смертью. Только с ней мы возвращаемся к Богу и не теряем Земли.

За эту Женщину, за ту, что всегда с нами, но так редко встречается наяву, я и предлагаю нам выпить. За ее бессмертие в каждом из нас. За Любовь, которая перестает быть чувством и становится образом жизни!

— Аминь! — сказал Александр.

— Аминь! — поддержал Павел.

— И быть по сему! — подтвердил Василий.

Мужчины чокнулись. В этот момент дверь в купе приоткрылась, и им улыбнулась проводница Вера.

— Мальчики, — сказала она. — А все. Подъезжаем. Стаканчики я заберу. Ой, как у вас тут чисто! Я ж говорю — образцово-показательные пассажиры. Хоть на выставку!

— Возьмите, Верочка, за кофе и прочее, — Александр протянул купюру. — Хватит?

— Сейчас я сдачу!

— Да бросьте вы! Так с вами ехать было приятно — забудьте про сдачу, ладно?

— Ладно. Спасибо. Побольше бы мне таких. Пакет с мусором тут оставляйте, я сама выкину. — И Вера, забрав стаканы, исчезла.

Поезд шел уже по Москве. Окончательно замедлив ход, он миновал людную станцию «Серп и молот» с ее высокими решетками и тесным асфальтом платформы, прогромыхал по мостику над Яузой и наконец торжественно растянулся вдоль перрона Курского вокзала. Попутчики вышли в коридор, подождали минуту, пока самые нетерпеливые из пассажиров вытаскивали из первых трех купе разнокалиберный багаж, и наконец оказались на воздухе. Москва встретила их ясным и теплым днем. Мужчины отошли, чтобы не мешать остальным выходящим.

— Ну что, Павел, — спросил Александр, — будет «Полторамерон»? Составишь книгу?

— Подумаю. — Павел и впрямь не хотел забывать услышанного. — Если что, следите за рекламой. Приглашаю на презентацию. И гонорар обещаю поделить.

— Вот это дело, — улыбнулся Семен. — И ехали хорошо, и в потенциале заработать можем. Век бы так в командировки мотаться! Однако, господа, мне пора. Всего доброго. Очень приятно было.

— Пока!

— До встреч в эфире!

— Удач!

И обменявшись рукопожатиями, бывшие собеседники разошлись в разные стороны. Через минуту они уже затерялись в пестрой толпе приехавших и встречающих. Павел, шедший последним, улыбнулся. «Повезло, — подумал он. — Вправду, что ли, книжку собрать из этих новелл. Чем бы закончить только? Тостом Семена? Больно bravurno получится. Нет, если уж издавать, то нужно какой-нибудь другой штришок найти. Бытовой. Чтобы правда жизни не потерялась». Он шел по огромному современному залу ожидания и непроизвольно оглядывался: не подбросит ли судьба нужную деталь. И вдруг увидел — именно то, что требовалось.

У дверей вокзала остановился черный джип «Porsche Cayenne». Из открывшейся задней двери на асфальт с трудом выкарабкалась женщина небольшого роста в кремовой летней кофточке «Chloe», с двумя золотыми браслетами на руке и тремя цепочками того же металла на шее. Довершали туалет дамы синие ботиночки «Steiger» и почти хозяйственная коричневая сумка «Луи Виттон» с ярко-оранжевыми ручками. Стрижка оставляла открытыми уши, в которых покачивались яркие крупные серьги точного дизайна. «Мархаба с бонжуром, — улыбнулся Павел. — Азиопа. Но дорогая».

Дама, не дожидаясь содействия, выколупнула из открывшегося багажника «кайена» довольно увесистый дорожный чемодан, по светлой коже которого были вы-

тиснены континенты и моря. Она явно спешила. Махнув рукой водителю джипа, так и не ставшего утруждать себя помощью, женщина строевым шагом направилась к раздвижным дверям. На входе, встав в короткую очередь к рентгену багажа, она, приподнявшись на цыпочки, принялась высматривать кого-то в зале. Судя по искажившей лицо гримасе, нужного человека увидеть ей не удалось. Все тем же строевым шагом она миновала запищавшую от восторга при виде такого количества золота рамку металлоискателя и бросила что-то презрительно охраннику. Тот предпочел не связываться и разрешил проход. Дама отработанным движением, как крыса, ухватившая со стола изрядный кусок сыра, стащила чемодан с ленты конвейера, поставила его на колесики и, отойдя на два шага от входа, вновь принялась оглядываться. Затем достала из сумки айфон и энергично потыкала в экран пальцем. Абонент и не думал отвечать. Еще раз осмотревшись вокруг и закинув мобильник обратно в недра «Луи Виттона», дама приложила ладонь ко рту и вдруг гаркнула резким металлическим голосом, покрывшим весь объем зала ожидания: «Даша! Даша, твою мать! Даша!!!»

Проходившие мимо шарахнулись в сторону. Но даму это не смутило. Уперев одну руку в бок, она стояла в позе Наполеона, ожидающего ключи от завоеванного города. Откуда-то со стороны киосков раздался ответный голос: «Иду, мамочка! Я здесь!»

Павел захохотал в голос.

Дама с возмущением обернулась. Ее покрасневшее от гнева лицо пылало благородным турецко-европейским негодованием.

— А вам что?! — отрезала она. — Женщин никогда не видели?! А ну проходи!

— Прохожу, прохожу, — ответил Павел, кланяясь. — Уже прошел.

И про себя добавил: «„Полторамерон“ состоялся!»